

Наталья Шугова

современный любовный роман

Наталья Шугова

Annotation

Все знают, куда порой заводят благие намерения. И Полина знала. Но вот они, ее новые мужчины... Один - мистер Совершенство, состоятельный, умный, благородный и щедрый. Другой - сжатая пружина, грубый, резкий, непримиримый, умеющий забыть о себе. Они - братья и соперники. Одного необходимо срочно полюбить, от другого лучше держаться подальше...

Притворщики. Начало

— Пожалуйста, кофе большой двойной и... — Полина не договорила, потому что бармен, аккуратный юноша лет двадцати, невозмутимо отвернулся от нее. Вместо того чтобы выслушать заказ, он стал перебирать радиостанции на магнитоле.

— Молодой человек! — пришлось окликнуть погромче, иначе останешься голодной.

Юноша встрепнулся, бросил возиться с магнитолой и взглянул на Полину с искренним изумлением, словно только что обнаружил ее присутствие.

— Кофе большой двойной, бутерброд с салями и... и с лососем, — заказала Полина уже без всякого "пожалуйста". В конце концов, если смотрят сквозь тебя, того, первого "пожалуйста" вполне достаточно.

С чашкой и тарелочкой Полина прошла зал насквозь и села за свободный столик у окна. В этом кафе ей уже случалось бывать, и больше всего ей нравились столики у огромного, во всю стену, окна. Оно выходило не на шумный, сумбурный, запруженный народом Невский, а в тихую неказистую улочку, почти безлюдную даже в первом часу дня.

— Прошу прощения... У вас не занято?

Полина, не поднимая головы, покосилась на зависшую напротив нее кофейную чашку. Держала ее мужская рука в тонкой черной перчатке.

Не переставая жевать, Полина отрицательно помотала головой.

— Вы разрешите?

Полина молча кивнула.

— Благодарю.

Ах ты, Боже ж мой, какие мы вежливые и предупредительные. С ума сойти. Надо было отказать ему для разнообразия. Интересно, он бы молча ушел искать другое место или стал бы вежливо выяснять, отчего ему нельзя присоседиться? Вот попадетя же такой душный тип... Это не элитное заведение, чтобы спрашивать позволения занять свободное место. Здесь порядок такой: видишь стул — садись. И нечего козырять графским воспитанием в местах общего пользования. Пижонов развелось...

Кофе был так себе, хлеб в бутербродах явно вчерашний, но колбаса и рыба вполне прилично выглядели, поэтому вместо того, чтобы уделять пижонам внимания больше, чем они того заслуживали, Полина принялась за еду.

Видимо, бармен наконец совладал со своей магнитолой. В помещении кафе зазвучала незатейливая трогательная песня. Потягивая кофе небольшими глотками, Полина прислушалась к знакомому мотиву...

...Но ты напудришь нос, выйдешь на обед,

И за столиком в кафе ты встретишь его...(с)

Полина грустно усмехнулась. Было время, много лет назад, когда она по девичьей своей наивности воспринимала эту песню, как чудесное пророчество. Тогда Полина частенько мечтала о том, как это может произойти. Случайная встреча. Случайная, но неизбежная, переворачивающая всю жизнь, неотвратимая... Ага. Как же. Прямо там... Неопытное божество из песни скорее всего не заметило Полину в толпе. Видимо, оно приспособилось проливать солнечный свет на жизнь каких-то других дураков, которым совершенно неизвестно отчего, но повезло больше. Хотя, о чем тут вообще жалеть? Кого можно подцепить в

забегаловке фаст-фуд а ля советик? Разве что непомерно вежливых типов в перчатках.

Полина взглянула на чужую чашку, которая расположилась напротив. Странно, но ее совсем не тянуло взглянуть соседу в лицо, словно его и вовсе не было. Только руки в перчатках: одна держала чашку, другая постукивала по столешнице в такт звучащей из динамиков музыке.

...Если он уйдет, это — навсегда,
Так что просто не дай ему уйти...(с)

Милые стихи. Но интересно, каким способом можно выполнить сей мудрый совет, случись в этом настоятельная необходимость?

— Вот все думаю, а как она могла бы не дать ему уйти...

Полина вздрогнула, едва не поперхнувшись, и посмотрела-таки на соседа. Холеный мужчина, на вид около сорока, глядел на нее с деловито-задумчивым любопытством. Приятное, что называется, интеллигентное лицо с высокими зальсынами, русые волосы зачесаны назад, бледные сухие губы четкого рисунка. Наружность располагающая. Да и одет солидно. Пижонское пальто, светлое кашне, воротник рубашки выпущен поверх джемпера...

— Это вы мне? — уточнила она.

— Ну да, вам, — мужчина слегка прищурился, в глазах заиграли искорки. — Я когда эту песню слышу, всегда думаю: а как бы она смогла его задержать...

— Ну не знаю. "Отвлечь простым естественным вопросом", — усмехнулась Полина. — Который час, например.

— Двенадцать сорок, — отозвался сосед.

— Уже?! — Полина по привычке вскинула руку, забыв, что часов нет. Потом смысл их короткого диалога наконец дошел до нее, и она почувствовала досаду. — Вы что, на знакомство напрашиваетесь?

— Можно и так сказать. Правда, скорее на разговор. Я и так о вас все знаю, гражданка Крымова. Вы живете на Дунайском двадцать четыре, квартира восемь. Сегодня у вас отвратительное настроение, потому что на работе вы попали под раздачу, и в довершении всего вам только что пришлось сдать в ремонт ваши любимые часы...

Полина напряженно выпрямилась.

— Кто вы такой? Что вам от меня надо?

— Только не пугайтесь! — руки в перчатках взметнулись и замерли в примирительном жесте. — Я не хотел, честное слово!

— Да? А что же вы хотели? Откуда вы меня знаете?

Мужчина улыбнулся довольно и весело:

— Все просто. Когда вы сейчас расплачивались у стойки, вы выронили квитанцию из часовой мастерской... Фамилию и адрес я прочел. Вывод о сломавшихся часах очевиден. А насчет работы я просто предположил. Ведь вы чем-то расстроены, так почему бы не...

— Все это очень интересно, мистер Холмс... Но, может быть, вы все-таки вернете мне квитанцию? — возмутилась Полина.

Сосед полез в карман пальто, вынул документ и протянул Полине:

— Извините меня...

Она поспешно сцапала бумажку, развернула, проверила. Все правильно, ее квитанция. Пора избавляться от дурной привычки совать в кошелек всякие нужные бумажки. Так и потерять недолго... А этот тип, ну и шуточки у него. Время от времени к Полине пытались

клеиться разные экземпляры, некоторые даже проделывали это весьма оригинально. Но чтобы так — это впервые. Что тут скрывать — интригующее начало. Жаль вот, что времени на флирт даже не в обрез — вообще нет ни минуты. Еще надо закончить еду, чтобы во время решающего собеседования к вполне законному мандражу не прибавилось урчание голодного желудка. Да еще успеть дойти до места, прибыть за десять минут до назначенного часа, и никак не раньше. Но и не позже...

— Извините, — еще раз повторил сосед. Но по виду его никак нельзя было сказать, чтобы он хоть в чем-то раскисался. Хитренькая такая физиономия. Фокусник.

— Ну что вы, что вы! Все очень мило, — пробурчала Полина, сунула квитанцию в сумочку и взялась за недоеденный бутерброд. — Еще какие-нибудь трюки в запасе, или я могу-таки спокойно поесть?

— Ради Бога... К тому же, цели своей я добился.

Полина вопросительно взглянула на него.

— Вы наконец обратили внимание на меня, — пояснил мужчина.

— И?

— И мы разговариваем.

— В самом деле? О чем же?

— Ни о чем, — усмехнулся он. — И мне это нравится.

— Вам что, поговорить не с кем? — недоуменно пожала плечами Полина.

— Увы, каждый Божий день у меня столько собеседников, что нет от них никакого спасения. Но это не то. Совсем не то, — грустно проговорил сосед. — Я уже целую вечность ни с кем не говорил ни о чем...

Полина снова взглянула на свое запястье.

— Отсутствие любимых вещей раздражает, — сочувственно кивнул мужчина.

— А с чего вы взяли, что часы — любимые?

— Ну, это просто, — сосед глотнул кофе, а потом уверенно пояснил. — Вы производите впечатление женщины, которая носит только любимые вещи. То есть те, с которыми сроднились.

— Вы имеете в виду "те, которые носят годами"? — уточнила Полина, представляя, как выглядят в глазах лощеного умника ее дешевая куртка из фальшивой замши и потертые перчатки, брошенные сверху на сумочку... Да, вид у Полины далеко не гламурный, что уж греха таить.

— Я имею в виду только то, что сказал, — покачал головой разговорчивый сосед.

— Ну да, конечно, — усмехнулась Полина.

"Ведь издевается же, пижон..."

— А про неприятности на работе я тоже не ошибся? — продолжил допрос сосед.

— Отчасти, — буркнула Полина. — В определенном смысле...

— А именно? — любопытство его казалось искренним.

— Была работа — были неприятности. Теперь нет, — коротко пояснила Полина.

— Поня-а-атно, — протянул мужчина. — Завидую я вам...

— Да что вы говорите?

— Я завидую временно безработным согражданам. Когда впереди маячат перемены, хочется жить...

"Издевается. Причем изощренно".

— Что же вам мешает ощутить живительную силу перемен? — усмехнулась Полина. —

Увольтись с работы, и вперед, к новой жизни...

— Я бы с удовольствием. Но увы, все не так просто, — печально улыбнулся он в ответ. — Может быть, я и живу на этом свете только потому, что каждый день мне надо идти на работу...

— Тогда держитесь за свое место. Не учите жизни начальника, и все будет отлично.

— О, я постараюсь. Непременно, — серьезно сказал мужчина. — Начальники — это особая категория людей. Нечто вроде неизбежного зла. Никогда не знаешь, как правильно себя с ними вести.

Он отставил чашку, несколько секунд задумчиво смотрел в окно:

— А все-таки вы правы... О живительной силе перемен. Выходить надо из колеи, иначе... — он помрачнел на секунду, но тут же улыбнулся и неожиданно спросил:

— Вы сейчас очень заняты?

— В смысле?

— В Царскосельском парке сейчас такая красота. Я приглашаю вас на прогулку.

Полина растерялась. Сосед с улыбкой смотрел ей в глаза и ждал ответа.

— К сожалению, у меня нет ни одной свободной минуты.

— Правда? — искренне огорчился он.

— Правда.

— А если бы было время? Поехали бы со мной?

— Нет. Не поехала бы, — усмехнулась Полина.

— Не спрашиваю почему, — вздохнул он. — Ну что ж, благодарю за компанию. Мне было приятно с вами поболтать...

Сосед встал, непринужденно поклонился, задвинул стул и неторопливо пошагал к выходу. Он шел, опустив голову и засунув руки глубоко в карманы, словно вся его веселость мгновенно прошла, едва он отвернулся от стола.

Полина проводила его взглядом. Что ни говори, а поболтать с незнакомцем было занятно. Конечно, это просто забавный пустячок, ничего больше. Вот он ушел, этот странный, наглый, но симпатичный мужик, и ничего-то в ее жизни не изменилось и не изменится. Вот вам и "встретишь его". Встретила, ага.

Она решительно сделала последний глоток кофе, бросила в рот мятную жевательную конфету и отправилась знакомым уже маршрутом.

* * *

На экране мобильного значилось "офис". Скрипнув зубами, Илья нажал кнопку ответа.

— Власов, тебя босс разыскивает! Где ты шляешься? — заверещала секретарша.

Илью тошнило от ее вида, а от голоса и того пуще.

— Я не шляюсь. Я возвращаюсь с заправки, — отозвался он.

— Так поспеши! Казьмин ждет, раз десять тебя спрашивал.

— Ничего, подождет, — Илья отключился, захлопнул свою раскладушку и с силой запихнул ее в нагрудный карман куртки.

На светофоре пришлось пристроиться в хвост приличной очереди. За один заход перекресток не миновать... Чертовы пробки...

После звонка секретарши на сердце у Ильи было беспокойно. Эта дура вечно вопит так, будто все рушится, а то и уже рухнуло. А на самом деле все не так важно и не так срочно,

иначе босс сам бы позвонил.

И все же, немного помучившись, Илья снова достал телефон.

— Да! — отозвался Валерий. — Ты где, Илья?

— Буду минут через десять, если повезет, — ответил Илья, оценивая свои шансы быстро проехать перекресток.

— Постарайся, чтобы повезло, — назидательно заявил брат.

— Валера... все в порядке?

— Не по-онял... — строго протянул Валерий.

— Не прикидывайся. С тобой все в порядке?

— Та-ак... Слушай, не дури. Дело стоит, пока ты там прохлаждаешься... Заканчивай трепаться попусту!

Илья усмехнулся и отключил телефон. Обошлось пока. Обошлось. А вот нервы становятся ни к черту. Этак сорваться ничего не стоит.

За десять минут Илья не успел. В полном соответствии с законом Мерфи везде, где только можно было застрять, он застревал. Напоследок на въезде во двор, где располагался офис фирмы, дорогу прямо под аркой перегородил продуктовый фургон. Пришлось подождать, пока рабочие разгрузят ящики.

Когда Илья появился в офисе, секретарша взглянула на него сущим волком. Илья в который раз призвал на помощь свою выдержку, не останавливаясь, проскочил мимо нее в кабинет, услышав позади себя только сдавленное змеиное шипение.

Валерий сидел за столом, лениво тыкал пальцем по клавишам раскрытого ноутбука. На краю стола валялось брошенное пальто.

— Ну наконец-то, — буркнул босс, не поднимая головы. — Тебя хорошо за смертью посылать. Ты что, в самом деле?

— А то ты не знаешь, что пробки в центре.

— На пробки надо заранее поправку делать.

— Ну вот еще ты меня погонять будешь! — огрызнулся Илья. — Мало мне твоей собачонки...

— Кого? — изумился Валерий.

— Собачонка злая, что у тебя в приемной сидит. Я ее, Валерка, неровен час, прибью.

— Что, достает?

Жаловаться боссу на то, что девчонка из приемной тебя ни в грош не ставит, было совсем уж глупо. Илья промолчал.

Валерий тяжело вздохнул:

— Да я знаю, Илюха, знаю, что она стерва. Но прекрасно справляется со своими обязанностями. Разве что не умеет вести себя с теми, чей статус она полагает ниже ее собственного... Но у меня нет ни сил, ни времени восполнять пробелы в ее воспитании.

Илья ничего не ответил.

Валерий нервно взмахнул рукой:

— В конце концов ты сам не захотел иметь в фирме особый статус. Так что терпи, конспиратор.

— Я пытаюсь. Но не обещаю, что получится.

— Ладно тебе, — отмахнулся брат. — Некогда нам разговоры разговаривать. В банк нужно срочно документы отвезти. У них кредитная комиссия в три...

Валерий хотел еще что-то сказать, но ему словно не хватило дыхания. Он замолчал и

низко опустил голову.

— Валера, посмотри на меня, — попросил Илья.

— Отвяжись, — отрезал тот. — Ступай к Марии, она документы выдаст.

— Посмотри на меня.

— Пошел ты... — тихо пробормотал Валерий. На Илью он так и не взглянул, но ноутбук в покое оставил, тяжело оперся локтями о стол и спрятал лицо в ладонях.

— А у меня другое предложение, — возразил Илья, подходя к столу. — В банк ты отправишь какую-нибудь девчонку из бухгалтерии. Доедет на метро. А я повезу тебя домой. Надо отлежаться.

— Будет так, как сказал я, — еле слышно, но четко отозвался Валерий.

Илья взял Валерия за плечи, осторожно выпрямил его, взглянул в безжизненно-бледное лицо брата. Тревога сжала сердце.

— Ведь совсем плохо тебе, Валерка...

— Уже нет, — шевельнул посиневшими губами Валерий. — И станет еще лучше, если ты прекратишь со мной спорить.

— Да с тобой спорить — только поседеешь, — с досадой процедил Илья.

— Это правильно, — Валерий отвел руки брата, потянулся к селектору: — Маша, документы в банк готовы?

— Конечно, Валерий Петрович, — донеслось из динамика.

— Залоговую опись не забудь, — строго напомнил Валерий и снял палец с кнопки.

— Ты думаешь, получится?

Валерий вскинул голову и строго посмотрел на Илью:

— Что, прости?

— Взять новый кредит до возвращения старого?

Валерий устало вздохнул:

— Ну а почему нет? Обычная практика. Постоянным благонадежным клиентам не возбраняется. Тем более, что сумма — для них — далеко не заоблачная.

Валерий замолчал, рассеянно глядя в окно.

— А если не дадут? — все-таки спросил Илья.

— А ты не каркай.

— Ну а если? Перед тем, как все это затевать, ты же должен был предвидеть и такой вариант? Или ты об этом не думал?

Валерий раздраженно взмахнул рукой:

— Отвяжись! Я не пойму, к чему сейчас эти вопросы!

— Да уж, лучше было бы задавать их тогда, когда ты только собирался в это вляпаться, — фыркнул Илья. — Но ты меня и тогда не особо слушал.

Валерий покачал головой:

— Мне этот кредит был нужен.

— И когда же начнет окупать себя твой бесценный "Толмач"? Ты же ради него все затеял?

— Будет отдача, — тихо, но уверенно проговорил Валерий. — Через полгода коммерческая версия пойдет в продажу. Еще через годик вложения должны окупиться.

Но Илья видел, что как бы Валерий ни храбрился, дела развивались совсем по другому сценарию. Неожиданно свалившиеся на фирму брата проблемы грозили разрушить все планы.

— Тебе сколько траншей погасить осталось? — уточнил Илья.

— Два.

— Деньги есть?

— Нет.

— К сроку будут?

— Понятия не имею! — процедил Валерий. — И оставь свои наводящие вопросы. Я прекрасно вижу все возможные последствия. Я бизнесмен, Илья. Риск — часть моей жизни.

Илья не ориентировался в тонкостях большого бизнеса так свободно, как брат, но элементарное понятие имел. И про риск тоже. Но отдать в залог исключительные права на свои самые доходные программные продукты...

На следующей неделе наступал срок возврата транша, а в конце месяца — срок еще одного, последнего платежа. А деньги от заказчиков и отчисления от распространителей внезапно перестали поступать. Регулярные и стабильные доходы иссякли без очевидных причин.

Брат, внешне удивительно спокойный, на самом деле не находит себе места. Валерий никогда не жаловался на нехватку выдержки, но Илья слишком хорошо его знал.

— И вообще, Илюша, не отвлекайся на размышления о моих проблемах. Если я согласился подставить под удар все, что у меня есть, значит, риск оправдан, — сухо сказал Валерий. — Если ты забыл, это мои деньги.

— Почему же забыл? Ты мне регулярно напоминаешь об этом, — процедил Илья. — Но мне не все равно.

— Вот как? — желчно бросил Валерий. — Боишься, наследовать будет нечего?

— Что? Что ты сказал?! — Илья едва удержался, чтобы не схватить брата за грудки. — Ты... Ну, ты идиот...

Он развернулся и пошагал к двери.

— А ну стой! — резко приказал Валерий.

Илья послушно остановился. Хотелось, не оборачиваясь, обматерить брата и выйти, хлопнув дверью. Отвести душу. Минут на пять. На большее Илья права не имел, но и этим предпочитал не пользоваться.

Валерий подошел, примирительно положил руку на плечо Ильи:

— Извини. Меня все чаще посещают скверные мысли, и все труднее не давать им выхода...

— Ладно, забудь, — вздохнул Илья.

* * *

Руководитель группы внедрения взглянул на Полину поверх очков в золотистой оправе.

— Я рад, что вы пришли, — без улыбки заявил он.

"А уж как я-то рада, что вы мне позвонили," — мысленно отозвалась Полина, мучительно пытаюсь припомнить фамилию мужчины. Он представлялся в прошлый раз, но кроме его должности Полина ничего не помнила.

— Я на всякий случай напомню: меня зовут Тимофей Ильич Рубин, — как бы между прочим заметил он. — Я знаю, обычно у людей мое имя почему-то не откладывается в памяти с первого раза...

Ну еще бы оно откладывалось. Стереотипы — вещь идиотски глупая, но отделаться от них порой невозможно. "Тимофей Ильич". Это имя подходило пожилому деревенскому дядьке, но никак не молодому интеллигентному человеку.

На вид Рубину было едва за тридцать. Но, похоже, он давно руководил людьми и с ролью начальника вполне сроднился. Неторопливо перебирая листки бумаги из раскрытой папки, Рубин продолжил:

— Мы проанализировали анкеты соискателей и результаты первичных тестов. У меня есть свои соображения о том, какой именно сотрудник нужен мне в группе разработчиков. Поэтому я выбрал вас...

Неделю назад, когда Полина приходила сюда на собеседование, ее искренне насмешили "первичные тесты". Ей казалось, что крупная компания, производящая программное обеспечение, должна в первую очередь проверять знания и опыт соискателей. Так нет же, ее больше часа мучили скучнейшими психологическими забавами: рисованием человечков из прямоугольников, расстановкой точек в кружках, выбором самых приятных глазу геометрических фигур. Неужели кто-то еще не в курсе, что интерпретацию стандартных тестов наизусть знают даже школьники. Хочешь произвести благоприятное впечатление на потенциального работодателя — выбирай треугольник и ломаную линию. Это заявит о твоей исключительной ответственности и сознательности, а также явится свидетельством незаурядной творческой жилки. Тьфу, глупости какие... А ведь этот тип, похоже, свято верит в прикладную психологию на уровне отдела кадров.

— ...Думаю, вы тоже составили некоторое представление о наших требованиях и поняли, интересно ли вам будет работать в этом направлении...

Полина изобразила вежливую улыбку. Конечно, она думала. В первую очередь об интересе. Само собой, о чем же еще.

— Конечно, раньше вы занимались хотя и схожей, но несколько специфической деятельностью. Однако я полагаю, что ваши навыки позволят вам сравнительно быстро понять особенности нашей работы. На это вам дается испытательный срок, — Рубин серьезно посмотрел на Полину. — Наша компания имеет высокую деловую репутацию, я думаю, вы это знаете. Здесь работают настоящие профессионалы. У вас есть шанс стать полноправным членом нашего большого и дружного коллектива. Ну как, есть желание попробовать?

— Почему бы и нет, — так же серьезно отозвалась Полина.

— Прекрасно. Тогда... — он взглянул на часы. — Нам остается предстать пред светлые очи генерального. Он с вами побеседует, кивнет и даст добро... Пойдемте со мной.

Он встал и открыл перед Полиной стеклянную дверь своего "аквариума".

В общей комнате, через которую лежал путь в коридор, царила самая что ни на есть рабочая обстановка. Молодой парнишка парился за компьютером, а еще двое — мужчина и девушка — стояли над ним и как будто бы по-приятельски наставляли юного коллегу. Конечно, Полина, сидя напротив Рубина, не могла видеть, что происходило в общей комнате во время ее собеседования. Скорее всего, эти трое так же нависали над компьютером юноши, но почти наверняка обсуждали они не рабочие вопросы, а очередную соискательницу. По тому, как излишне озабоченно и громко они загомонили, едва Полина и Рубин вышли из аквариума, стало ясно — притворяются.

Рубин вывел Полину из комнаты и пошагал в противоположный конец длинного коридора.

— Когда с формальностями будет покончено, я представлю вас ребятам. У нас очень приятный коллектив.

Полина молча кивнула. Рубин легонько усмехнулся, и его голос из суховато-официального стал совершенно естественным:

— Да не волнуйтесь вы.

Полина искренне удивилась:

— А что, разве я волнуюсь?

— Похоже, что нет, — улыбнулся Рубин. — Да и не о чем. Одобрение генерального — это чистая формальность. Наш босс пытается создать эффект причастности ко всему, что происходит в фирме. К счастью, он умный человек и полностью доверяет своим подчиненным в выборе сотрудников...

В просторной приемной скучала чем-то недовольная секретарша.

— У себя? — переступив порог приемной, Рубин кивнул на плотно прикрытую дверь кабинета.

Секретарша кивнула, лениво потянулась к селектору и, нажав кнопку, проговорила:

— Валерий Петрович, к вам Рубин.

— ... по кадровому вопросу, — громко подсказал тот, подавшись поближе к селектору.

Селектор что-то невнятно проскрежетал в ответ.

— Заходите, — буркнула девушка.

Рубин повернулся к Полине:

— Подождите тут, я вас позову.

Он уже потянулся к ручке, как дверь резко распахнулась, и Рубин лицом к лицу столкнулся с выходящим из кабинета высоким рыжеволосым мужчиной. Не говоря друг другу ни слова, они поспешно разминулись. Рубин исчез в кабинете босса, а рыжий подошел к секретарше.

— Ну наконец-то, — тоскливо протянула девица, — Я думала, ты вообще никогда оттуда не выйдешь...

Она закопошилась, принялась ковыряться в папках на столе, вытаскивая то одну бумажку, то другую.

— А заранее документы было не собрать? — со злостью уточнил рыжий.

— А это не твоя забота, — огрызнулась девица. — Каждый шоферюга будет меня учить...

Рыжий смолчал, брезгливо скривился, отвернулся и только тут заметил Полину. Его губы дрогнули, он отвел взгляд и нервно дернул рукой:

— А нельзя-таки побыстрее?

— Я тебя дольше ждала! — фыркнула секретарша, нарочито неспешно складывая документы.

Теперь Полина видела только профиль рыжего, безупречно постриженные вьющиеся волосы, высокий лоб, нос с горбинкой. И еще страдальческую гримасу на тонких губах. Казалось, будь его воля, он уже давно придушил бы сначала секретаршу, а затем на всякий случай и Полину, как свидетельницу его унижения.

Наконец, девица подняла над столом прозрачную папку с бумагами:

— На! Сначала в банк... Документы отдашь кредитному менеджеру. Потом заберешь главбуха из налоговой. Она уже давно оттуда звонила. Ясно?

Рыжий не ответил. На его лице застыло раздражение.

— Ясно, спрашиваю? — повысила голос секретарша и взмахнула папкой.

Рыжий выхватил ее и стремительно вышел из приемной.

— Чертов кретин... — прошипела девица ему вслед.

На ее столе зазвонил телефон. Девица схватила трубку и рявкнула в нее:

— Да!... - услышав говорившего, она значительно смягчилась. — А-а, привет, Лизка... Я не просто злая, блин... Я очень злая! Этот уголовник меня с ума сведет. Какой, какой... Власов, придурок этот...

Дальнейших подробностей Полине не суждено было услышать. Открылась дверь кабинета, и в приемную выглянул Рубин:

— Полина, зайдите, пожалуйста.

Полина перевела дух и вошла.

Если интерьер приемной был по-деловому лаконичным, то в кабинете обосновался любитель красивой жизни. Только очень дотошный человек мог подобрать предметы друг к другу так, что, козыряя своей дороговизной, они тем не менее так прекрасно подходили друг к другу. Мебель к гардинам, вешалка для одежды к мусорной корзине... Ясно, что хозяин кабинета не выбивался из общего ряда и тоже прекрасно гармонировал с высоким кожаным креслом. Сам генеральный директор фирмы...

От возгласа Полина, разумеется, удержалась. Но далось это не даром.

За солидным необъятным столом в окружении эффектных безделушек, ноутбука и малахитового письменного прибора сидел приставучий пижон из кафе. Уже не в пальто, разумеется, и без кашне и перчаток. Но спутать его с кем-то было невозможно.

— Здравствуйте, — проговорила Полина, когда ей удалось переварить изумление.

— И вам день добрый... — отозвался генеральный директор. Никакого удивления он не выказал. Разве что глаза постепенно грустнели.

— Валерий Петрович...

Генеральный нетерпеливо поднял руку, и Рубин в недоумении примолк.

Притворщики. Продолжение 1

* * *

Валерий относился к подбору персонала, как к важнейшему фактору корпоративного успеха. Конечно, не было никакой необходимости в том, чтобы начальники подразделений таскали к нему на прием всех претендентов на вакантные места. Валерий не припоминал в истории своей фирмы такого случая, чтобы после знакомства с соискателем он кому-то отказал. Так просто, соблюдали традицию. Во многом бессмысленную, как большинство традиций.

Женщина из кафе стояла рядом с Рубиным. И сейчас Валерию хотелось всеми правдами и неправдами избавиться от нее.

— Тимофей, пожалуйста... Я бы хотел поговорить... — Валерий напрягся, вызывая в памяти квитанцию. — Я бы поговорил с госпожой Крымовой наедине, если не возражаешь...

— Как угодно, Валерий Петрович, — пробормотал Рубин и, слегка удивленный, покинул кабинет.

Валерий указал на стул напротив.

— Присядьте, пожалуйста.

Она кивнула и села. Валерию понравилось, как. Не на кончик стула, а удобно откинувшись на спинку. Не оцепенела, поджав губы жеманным бантиком, как какая-нибудь перепуганная клуша, а положила ногу на ногу, сцепила пальцы на колене и взглянула на Валерия со спокойным любопытством.

Жаль, что они до сих пор не в кафе... Валерий на секунду прикрыл глаза, вспоминая, как она слушала его любимую песню. Все отлично. Все великолепно. Было.

Брать её на работу Валерий не хотел. Ни в коем случае.

На языке Валерия вертелся отказ, оставалось только подобрать нужные слова.

Дело было не в женщине. Она не виновата, в конце концов, ни в том, что с утра Валерий чувствовал себя скверно, ни в том, что его настроение никуда не годилось... Ни в том, что он решил немного пройтись по Невскому, развеяться и выпить кофе в скромной забегаловке. А уж в том, что ему приспичило продемонстрировать перед случайной соседкой по столику чудеса дедукции и звать ее на свидание — тут и вовсе некого винить, кроме самого себя.

— Забавно, как тесен мир, — произнес, наконец, Валерий, понимая, что молчать дольше уже как-то совсем неприлично.

— В самом деле, тесноват, — спокойно согласилась она.

С другой стороны — подумаешь, какая проблема. Некоторых своих сотрудников Валерий даже не помнил в лицо. А с большинством лишь здоровался в коридоре, да и то далеко не каждый день. И с ней, скорее всего, все обстояло бы точно так же. Встречались бы раз в месяц...

Валерий представил, как, случайно встретившись с ним в коридоре, эта женщина будет всякий раз вспоминать сцену с потерянной квитанцией и дальнейший разговор... Ну конечно, будет. И, может быть, даже расскажет об этом забавном происшествии кому-нибудь из новых коллег.

А Валерий привык держать солидную дистанцию со своими подчиненными. Он был

строгим требовательным боссом. Его побаивались, иногда ненавидели — было за что. Но он старался никогда не давать повода смеяться над ним или заниматься пересудами.

Валерий уставился в анкету, которую принес ему Рубин.

"Крымова... Полина... Двадцать восемь лет... Образование инженерно-экономическое... Пять лет на государственной службе... Не замужем..."

Да, странно... Выглядит Крымова немного моложе. Это потому что косметикой то ли не пользуется вовсе, то ли пользуется слишком умело... Да и странная она немного. Не сказать, чтоб не от мира сего. Нет, пожалуй. Просто вполне самодостаточная особа. Что для незамужних женщин под тридцать нехарактерно...

Валерий не мог отделаться от мысли, что эта сероглазая женщина с уверенным колючим взглядом ему нравится. Какой бы сентиментальной глупостью в его положении это ни звучало.

— Рубин сказал: вы — именно то, что ему нужно... — проговорил Валерий, задумчиво постукивая пальцами по поверхности стола.

— Но вам так не кажется, — усмехнулась она.

— О нет, я ни в коем случае не собираюсь опровергать выводы Рубина. У меня нет оснований сомневаться в ваших профессиональных качествах...

— Но вы абсолютно не уверены в моей способности не сплетничать, — Полина Крымова поспешно спрятала мелькнувшую было улыбку. — Я не болтлива. Но к сожалению, мне нечего предъявить вам в качестве доказательства.

— Да мне, собственно, не нужны доказательства, — нахмурился Валерий. — Дело вот в чем...

— Я поняла, — она вздохнула и покачала головой. — Ну что ж... Жаль, конечно. Мне интересно было бы попробовать поработать в вашей фирме... Но не судьба так не судьба.

Она встала, поправила стул. Взглянув в лицо Валерию, она вдруг расстроилась:

— Да не переживайте вы так...

— Я не... — начал Валерий, но запнулся. Внезапно резко кольнуло сердце.

Она улыбнулась:

— Бросьте. Иногда лучше отказать человеку, не объясняя причину. Не мучайтесь. Вам совсем не обязательно пояснять мне что бы то ни было...

— Да погодите же! — взмолился Валерий. — И будьте добры, сядьте обратно!

Она пожала плечами, снова отодвинула стул и села.

— Немудрено, что вас уволили с прежней работы... Если вы и там начальнику слова вставить не давали... — проворчал Валерий, собираясь с мыслями.

Полина криво усмехнулась.

И Валерий, сам не зная, почему, сказал совсем не то, что собирался:

— Вы справедливо догадались: мне не составит удовольствия работать под одной крышей с невольной жертвой моих злых шалостей. Потому что я стараюсь не смешивать то, что происходит в этих стенах, с тем, что я делаю вне их. Но... я прежде всего бизнесмен. Мои личные неудобства должны волновать меня в последнюю очередь. В группе Рубина некому работать над важным проектом. Его вы устраиваете. А следовательно, я не вижу причин не утверждать вашу кандидатуру... Подробности согласуете с Тимофеем. И желаю удачи.

Пока он говорил, глаза Полины сначала округлились от удивления, потом ее взгляд смягчился:

— Спасибо, Валерий Петрович. Я могу идти?

— Разумеется, — кивнул Валерий. — Всего вам наилучшего.

Она встала, снова поправила стул, с вежливой улыбкой взглянула Валерию в глаза и вышла за дверь.

— Ну не дурак ли ты, Казьмин... — вздохнул Валерий и тихо засмеялся.

* * *

— Людочка, здравствуйте!

Секретарь в приемной любезно улыбнулась.

— Добрый день! Вы документы довели?

Илья кивнул и помахал пластиковым конвертом:

— Похоже, я опоздал?

— К сожалению, комиссия уже началась, но если менеджер ждет ваши документы, он обязательно к вам выйдет. Подождите, пожалуйста.

В Канэкс-банке Илье случалось бывать почти ежедневно. Совмещая в компании сразу несколько обязанностей: водителя, курьера, личного охранника и мальчика для битья, он практически постоянно возил в банк то главбуха с документами, то документы без главбуха.

Банк был маленький, люди приятные, обстановка деловая, и Илья приезжал сюда с удовольствием.

Присев на кожаный диванчик под раскидистым фикусом, Илья принялся терпеливо ждать, прилагая усилия, чтобы не скручивать прозрачный конверт в трубочку. Дурацкая привычка.

Звонок на мобильный, как всегда, заставил его вздрогнуть.

— Власов! Только не говори мне, что ты еще не в налоговой! — заорала в трубку секретарша "Гепарда".

— Я сижу в приемной банка. Пока не отдам документы, кому следует, никуда с места не сдвинусь, — процедил Илья. — Отправь за главбухом такси.

— За твой счет? Да запросто!.. Ты мне зубы не заговаривай! До четырех ты должен забрать Анну Ивановну! Все понял?

Илья молча сложил трубку и убрал карман.

— Если вы очень торопитесь, я могу сама передать менеджеру документы, — предложила секретарь и виновато улыбнулась. — Я даже отсюда слышала требовательный голос вашей начальницы.

Илья тяжело вздохнул.

— Спасибо, если можно так сделать...

Девушка уже встала, как отворилась дверь, и в приемную из кабинета выглянул паренек в деловом костюме.

— "Гепард"? Привезли подлинники? Давайте, давайте скорее, ваш вопрос передвинули в конец списка. Скоро рассмотрим...

Илья отдал менеджеру папку.

— Что передать руководству? — уточнил он на всякий случай.

Паренек сделал серьезное лицо.

— У вашей компании благоприятная кредитная история, — кивнул он. — Но...

— Что "но"?

— Боюсь, не все так просто. Каждый подобный случай мы рассматриваем в строго индивидуальном порядке...

— А что не так с нашим индивидуальным порядком? — брякнул Илья, которому слова менеджера очень не понравились.

— Ну... ну вы же понимаете, все на усмотрение руководства. При любом исходе я сразу же позвоню вашему генеральному директору, — скороговоркой прошептал менеджер и исчез в кабинете, прикрыв дверь.

— Спасибо вам, — сказал Илья секретарю.

— Да не за что вроде, — улыбнулась девушка.

— За сочувствие, — пояснил Илья.

Он шагнул к выходу и на пороге приемной он столкнулся лицом к лицу с двумя мужчинами: представительным пожилым господином и его плечистым качком-охранником.

Господина Илья узнал мгновенно. Тот разве что несколько постарел за два года. Георгий Гарон, владелец заводов, газет, пароходов. Деловой и безжалостный. Когда-то пообещавший выпустить Илье кишки и вряд ли забывший о своем обещании.

Встретившись взглядом с Ильей, Гарон побледнел, потом покрылся багровыми пятнами. Охранник за его спиной напрягся, видать, хорошо чувствовал настроение хозяина. Несколько долгих секунд Илья и Гарон гипнотизировали друг друга.

— Здравствуйте, Георгий Иванович, — вежливо поздоровалась секретарь.

Гарон сдержанно кивнул, не сводя с Ильи тяжелого взгляда. Потом медленно повернулся к секретарю:

— Освободились? — он кивнул на кабинет управляющего.

— Кредитная комиссия еще не закончилась.

— Не страшно, — процедил Гарон и решительно рванул дверь.

Охранник остался стоять, подозрительно глядя на человека, который вызвал у его босса столь отрицательные эмоции.

— Разрешите, — проговорил Илья.

Качок не двинулся с места.

Улыбаться было излишним, но спокойствие не помешало бы. Илья, взяв себя в руки, уточнил:

— Какие-то проблемы?

— Это у тебя, сука, проблемы, — отозвался тот.

Илью передернуло:

— Полегче, не на базаре.

Не иначе громила был в курсе, кто Илья такой. Наверное, старый служака, давно при господине. Состроив зверскую гримасу, он расправил плечи и запустил руку за пазуху. Илья с досадой покачал головой:

— Девушку не пугай, чучело.

Охранник покосился на секретаря, тяжело вздохнул, но руку опустил.

— Так пройти можно? — уточнил Илья.

Бугай нехотя отошел от двери, но пообещал вполголоса:

— Дадут добро — я тебя достану.

* * *

— Ну-ну, а он что? — Верунчик, не сводя глаз с Полины, безошибочно нащупала на блюде последний эклер и с аппетитом откусила сразу треть.

— А он сказал: спасибо, мол, за компанию, приятно было поболтать...

— И ушел?! И все?! — недоверчиво буркнула Вера, запивая пирожное чаем.

— И все, — подтвердила Полина, подумав, что правильно она сделала, не выложив перед подругой все эклеры. Припасла парочку в холодильнике.

— Жа-аль... А как он из себя? Есть хоть на что посмотреть?

— Да, очень даже ничего... — кивнула Полина. — Тебе бы понравился.

— Тогда точно жаль, — вздохнула Вера, дожевывая эклер.

— Тебе-то, мужней жене, чего жаль?

— Мужняя жена тоже иногда хочет потешить свое эстетическое чувство... — развела руками Вера.

— Эстетическое? — удивилась Полина и с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться. — А что, Костик перестал удовлетворять твои высокие эстетические запросы?

Костя, Верин благоверный, прекрасный человек, заботливый муж и отец, был полным колченогим лысоватым дядькой.

— Костика не трожь! — отозвалась Вера. — Я его с плешкой еще сильнее люблю.

Подруги сидели на Полининой кухне. Разговор длился долго, запасы сладкого таяли, хорошо хоть вдоволь было заварки. Полина не смогла удержаться, чтобы не поведать лучшей подруге о своем загадочном трудоустройстве.

— Но это еще не конец истории... — загадочно проговорила Полина.

У Верунчика загорелись глазищи.

— Ой, Полинка, я еще чайку... — Вера потянулась к чайнику. — А ты, рассказывай, не томи...

— Пришла я в эту фирму. Сказали мне, что принимают меня на испытательный срок, если утвердит сам генеральный. Захожу я в кабинет к генеральному, а там... — Полина замолчала и многозначительно посмотрела на подругу.

— И что там?

— Генеральный, само собой. Тот странный тип из кафе...

Вера едва не выронила чашку.

— Полинка, это судьба...

— Ну, судьба не судьба, а к работе приступаю с понедельника.

— Рада за тебя, честное слово... Хоть начнешь в люди выходить. А то совсем ты захла в четырех стенах. Смотреть на тебя жалко. Глаза вон и то погасли...

— Не выдумывай, Верка, — отмахнулась она от подруги.

Они дружили с первого класса, и не было такого секрета, который стоило скрывать от Веры. В последнее время подруги виделись нечасто. У Веры была семья, маленькая дочка и много-много забот. Иногда по выходным Вера брала "отгул" и, оставив ребенка с мужем, ехала через весь город к Полине. Подружки делились проблемами, пили чай со сладеньким, подбадривали друг друга, утешали, советовали... А потом Вера убегала домой, а Полина оставалась в своих четырех стенах.

— Поля, а что... — Вера смущенно почесала висок. — Что у тебя с Мишей? Все?

— Все, — подтвердила Полина.

— Ну как же так! — возмутилась подруга. — Какая любовь была...

— Была. Но завяли помидоры.

— Шутишь все, — вздохнула Вера. — Не может так быть, чтобы все прошло и ничего не осталось. Вы ж друг другу жизнь перевернули. Это сближает.

— Не перевернули, Вера, а поломали. Это не сближает.

— А мне все-таки кажется, любит он тебя.

Полина не ответила, просто принялась убирать со стола.

— Он тебе звонит?

— Пытается иногда.

— И что?

— А ничего. Я себе на домашний определитель номера поставила.

— Трубку не берешь?! — ахнула Вера. — Ну и дура.

— Я решила, что всё — значит всё.

Вера глянула на часы.

— Поленька, поеду я! Костя там уже, наверное, вымотался с Наташкой возиться. Она ж теперь шустрая стала, отвернешься — уползает и все из шкафов с нижних полок выворачивает...

— Ну, поезжай. Спасибо, что навещаешь.

— Это тебе спасибо. Я тут у тебя все равно что в отпуске. Отдыхаю прямо... — Вера надела свой плащ и взяла сумочку. — Ну бывай, подружка, и не лезь в бутылку. С любовью так нельзя...

— Проводить тебя?

— "Оку" свою я и без провожатых отыщу, — засмеялась Вера.

Полина закрыла за подругой дверь, постояла у окна, наблюдая, как из шеренги припаркованных у подъезда машин выбирается голубая "Ока". Автомобильчик совершил несколько нетвердых маневров — Вера не так давно начала водить — и выехал со двора.

Раздался звонок в дверь.

Полина никого не ждала. К ней вообще, кроме Веры, в последнее время никто не приходил. В четырех своих стенах она обычно была одна.

Звонок повторился с настойчивостью.

— Кто?..

— Поля, открой, пожалуйста.

— Уходи, Миша.

Он нажал на кнопку звонка и не отпускал. Пришлось открыть.

Михаил Семченко ввалился в прихожую, сам захлопнул за собой дверь.

— Зачем ты пришел?

— А почему ты не отвечаешь на звонки? — заорал он. — Почему я должен гадать, что с тобой? Почему я должен сходить с ума?

— В самом деле, почему? — равнодушно переспросила Полина. — Вроде период сумасшествия у нас обоих благополучно закончился...

Только тут она заметила, что пальто Михаила расстегнуто, шарф соскользнул и свисает почти до пола, галстук сбит на сторону.

— Миша, ты пьян?

— Есть немного... — нехотя признался он, но нужды в его словах уже не было: до Полины дошли характерные алкогольные пары. — Деловые переговоры, ничего не поделаешь...

Полина покачала головой:

— Бедный, горишь на работе даже по выходным.

На самом деле ей не хотелось его жалеть. Наоборот, все еще хотелось вцепиться Семченко в глотку, вытолкать прочь из квартиры, влепить ему пощечин... И никогда больше не видеть его. И не слышать.

— Я пройду? — он кивнул в сторону комнаты.

— Не стоит!

— Да пожалуйста, я и здесь устроюсь, — он почти упал на старенький мягкий пуфик в прихожей.

Он опять паясничал, как всегда. Он кривлялся, когда ему было что-то нужно, он вставал в позу, когда от него что-то хотели. В начале их связи Полине казалось, что это мальчишество, пройдет. Но время шло, а Михаил все еще находился в поиске собственного бесценного "я". Он не желал быть самим собой, а когда пытался, выходило еще хуже.

— Миша, оставь меня в покое, пожалуйста. Уходи.

— Никуда я не уйду. Я остаюсь.

— Я тебя не звала. Ступай домой, к жене. Она, наверное, тебя ждет.

Он фыркнул и замотал головой:

— Она будет меня ждать, когда я скажу. А сейчас ей велено молчать и не перечить. Слушаться хозяина... Пусть привыкает видеть меня не чаще раза в неделю.

— Прекрати молоть чепуху. Это невыносимо.

Семченко пожал плечами, снова фыркнул, как молодой жеребец, потом вдруг скорчился, сцепив руки на затылке, и затих.

— Поля, можно мне душ принять? — вдруг попросил он совсем спокойным голосом.

— Мне нечего дать тебе на смену. Я выкинула твои тряпки.

— А-а-а, черт... Мне надо хотя бы умыться.

— Иди, умывайся.

Михаил сбросил пальто прямо на пол, кое-как скинул ботинки и прошел в ванную.

Его не было битых полчаса. Он появился мокрый по пояс, таща пиджак за воротник. Вода стекала с его волос на плечи. Он даже лицо не вытер. Остановившись в дверях, он молча смотрел, как Полина собирает раскиданные на диване вещи.

— Я больше не могу так, — понуро сказал Михаил. — Мне нужно, чтобы все было, как раньше.

— А мне не нужно, Миша. Вот именно так, как раньше, мне не нужно. Мы расстались. Ты забыл? Все прошло. Мы пообещали больше друг друга не мучить.

— Я помню... Но я теперь не могу без тебя. Оказалось, что не могу.

У Полины все было с точностью до наоборот. Когда-то она боялась, что если в их отношениях что-то разладится, то она не сможет прожить без ставших привычными встреч. А оказалось все намного проще. Порвав с Семченко, Полина поняла, что не хочет возвращаться к прежним запутанным отношениям, которые были обречены оставаться такими навсегда. Оказалось, что она очень даже может без Михаила.

— Я не буду делить тебя с твоей женой.

— Далась она тебе!

— Тема закрыта, Миша, — Полина вынула из бельевой тумбы полотенце и протянула ему. — Вытрись получше и ступай домой.

Он накинул полотенце на голову, и, как был, плюхнулся на диван.

— Поля, что тебе за разница, есть жена, нет жены? — раздалось из-под полотенца. —

Она будет матерью моему ребенку, и только. Никто не заставит меня жить, с кем попало... Я буду жить, с кем хочу. Я не могу не приходить к тебе, значит, так и должно быть!

— Это я уже слышала. Я не буду в твоём гареме, даже если в нём всего две женщины. Я так не хочу.

Михаил медленно стянул полотенце.

— Я думал, ты выше этого, но баба она и есть баба. — грустно сказал он и, вздохнув, посмотрел на Полину. — Так где ты теперь? С кем, как?

Это была ещё одна из невыносимых привычек Семченко: властно вмешиваться во всё абсолютно. Тупая мужицкая привычка, доставшаяся с Y-хромосомой. Стучать кулаком по столу, спрашивать, кто в доме хозяин... И только на том основании, что в штанах у него есть хреновина.

— Тебя это не касается, — отрезала Полина.

— Ошибаешься. Это меня касается. Пока ты скрывалась от меня, я черт знает что передумал... Работу нашла?

— Да.

— Правда? А то иди ко мне, я все устрою...

Да не приведи Господи снова переживать этот ужас: работать под одной крышей со своим женатым любовником.

— Спасибо, не утруждайся. Меня вполне устраивает то, что я нашла.

— Что же, если не секрет?

— Компания "Гепард".

Михаил в удивлении вскинул брови:

— Сборище свободных программеров? Это ты дурочку сваляла.

— Почему это?

— Когда-то они были на подъёме. А теперь — пшик один.

— С чего ты взял?

— Кому надо, тот знает. А что они тебе напели? Что вот-вот Майкрософт лаптями забросают?.. Твое дело, конечно. Но зря ты туда пошла. Тем более, что хозяин "Гепарда" упертый тип и законченное дерьмо, — высказался Михаил.

Слова эти отчего-то возмутили Полину.

— А ты настолько хорошо его знаешь?

— А ты? — прищурился Михаил. — Никак уже успела узнать?

— Не твоё дело.

— Вот как значит? Кот из дому — мыши в пляс? — горько усмехнулся он. — Недолго ж место мое пустовало...

— Что ты мелешь? Не протрезвел ещё? И вообще, не пора ли тебе домой?

— А может, и пора. Но ты смотри, не пожалей потом, — со злостью процедил он, отшвырнул от себя полотенце и, подхватив несчастный пиджак, исчез в коридоре.

Хлопнула входная дверь.

* * *

Усталость навалилась, и Валерию хотелось расслабиться и подремать. Илья никогда не включал в машине музыку: знал, что старший брат этого не любит. Безупречный немецкий движок в салоне был почти неслышен. Но отрешиться от всего и отдохнуть не получалось.

Проблемы из головы не выкинуть, да еще Илья странно нервно вел машину. Когда автомобиль снова резко тормознул, Валерий раздраженно проворчал:

— Ну что тебя сегодня мотает всю дорогу?..

— Сиди и молчи, пока везу. А то пешком пойдешь, — парировал Илья.

— Да уж лучше пешком. Ты того и гляди врежешься куда-нибудь. Что с тобой сегодня?

Дергаешься, будто только вчера на права сдал.

Илья промолчал. Потом вдруг спросил:

— Слушай, а что за девчонка новая на той неделе появилась?

— Какая девчонка? — машинально переспросил Валерий. — Я что, должен всех офисных девчонок знать?

Илья подозрительно покосился на брата и уверенно сказал:

— Эту должен знать. Темноволосая, стриженная, глазастая и строгая.

Краткое, но точное описание заставило Валерия мечтательно улыбнуться.

— Нашел девчонку! Твоя ровесница, между прочим. Полина Крымова, новая сотрудница Рубина. Пробует работать с бета-тестерами.

— Чья-нибудь знакомая? Рубин ее хорошо знает?

— Нет, ничья она не знакомая. Рубин обычно ищет сотрудников через газету вакансий.

А что ты вдруг так заинтересовался? Понравилась девушка?

Илья нахмурился и сжал губы.

— Можешь не волноваться по этому поводу, — сказал Валерий. — На этот раз ты опоздал. Я заинтересовался ею куда раньше тебя.

— И когда же ты успел?

— А вот успел. На то я и генеральный директор, чтобы все успевать.

— А, теперь понятно, почему ты в последнее время зачастил к Рубину. Бес в ребро...

— Но-но, разговорчики в строю, — лениво пригрозил Валерий. — Не хамя начальству.

И с девушкой попрошу повежливее.

— А я когда-то был невежлив с девушками? — пожал плечами Илья.

Валерий грустно усмехнулся.

— Гарона помнишь? — спросил вдруг Илья.

— Век не забуду. Зачем черта поминаешь?..

— Я тебе не сказал... Я видел его в Канэкс-банке, когда отвозил документы на кредитную комиссию...

— И что?

— Я видел его. Он видел меня.

— И что?! — Валерий готов был взорваться. — Вот событие! Питер, конечно, большой город, но даже в нем люди иногда натываются друг на друга. К несчастью.

Илья промолчал. И опять резко нажал на тормоз, едва не въехав в зад стоящему впереди автомобилю.

— Ты что, нарочно?! — возмутился Валерий. — Ты вообще на дорогу смотришь?

— Тебе в банке объяснили, почему отказали?

— Нет. Они и не обязаны, — процедил Валерий.

Возможность отказа Валерий рассматривал. Но искренне надеялся, что никаких объективных причин для этого нет. Надежда не оправдалась. Теперь задача сильно осложнилась. Средства для возврата кредита нужно было изыскивать в другом месте, и срочно.

— Валерка, ты радио слушаешь?

— Нет, и ты это прекрасно знаешь.

— Подожди, Валера, не ворчи... Сегодня днем по радио объявили, что финансово-промышленный концерн Гарона приобрел на днях контрольный пакет Канэкс-банка.

— Бли-и-ин, — Валерий откинулся на сидении и прикрыл глаза. — Так вот в чем все дело...

Объективных причин для отказа действительно не было. Зато субъективные налицо.

— Ох, скверно-то как, Илюха... Неужели опять биться придется?

Конфронтация с заклятым врагом была нынче совсем не ко времени.

— Ты не мог это предвидеть, — сердито отозвался Илья. — Ну и не казись.

Валерий промолчал.

— Если я чем-то могу тебе помочь, ты только скажи... — тихо проговорил Илья.

— У меня есть служба безопасности. Пусть бдят во все глаза.

— Ну то служба, а то я...

— Вот именно, что ты! — вскипел Валерий. — И не вздумай подходить к Гарону ближе, чем на пушечный выстрел! Ты меня понял?!

Илья не ответил. Только еще сильнее помрачнел и стиснул зубы.

— Я спрашиваю, понял ты меня?!

Илья упорно молчал.

Валерий взял себя в руки и спокойно проговорил:

— Гарон нам с тобой ничего не простил и никогда не простит. Захочет — устроит провокацию, и если ты поддашься, я уже не смогу тебе помочь... А если ты снова окажешься за решеткой, мне с этим уже не справиться. Я хочу быть уверен, что ты это понимаешь!

— Я понимаю, — буркнул Илья.

Валерий снова закрыл глаза.

Вот так. Одно дело быть должником небольшого, но стабильного и уважаемого банка, и совсем другое дело, когда твоим кредитором становится смертельный враг.

Конечно, сумма, которую компания Валерия осталась должна Канэкс-банку, не запредельная. Если бы не внезапный сбой в поступлении средств, не возникло бы никаких осложнений.

Предполагался простой механизм. Компания "Гепард" взяла кредит под залог исключительных прав на старые добрые программы, давно и регулярно приносящие доход. Полученные деньги целиком были вложены в разработку и отладку нового программного комплекса. До завершения работы осталось совсем немного. "Гепард" отдал тестовую версию нескольким специально отобранными фирмам-партнерам для пробного прогона в "полевых условиях" промышленной эксплуатации, чтобы найти большинство критических ошибок и устранить их перед выпуском программного продукта на рынок. Бета-тестинг — для фирмы-разработчика удовольствие не дешевое, но необходимое. Потребители не будут активно приобретать новую программу, если пойдет слух о нескончаемых проблемах у пользователей. Испытания уже подходили к концу. Через полгода Валерий планировал выпустить первую партию дистрибутивов в свободную продажу. А еще через полгода можно было бы получить первый плановый доход от компаний-распространителей.

И вот теперь кредит практически просрочен. Всего два последних транша, но как их вернуть, Валерий сейчас не представлял. Если кредитор все же получит право забрать залог, это лишит компанию интеллектуальной собственности, кормившей и хозяина фирмы, и ее

сотрудников уже несколько лет.

Валерий не собирался шутить с графиком выплат. Расчеты показывали, что только исключительные обстоятельства могли бы нарушить планы.

Георгий Гарон и был таким исключительным обстоятельством. Валерий имел несчастье стать кровным врагом одного из самых влиятельных бизнесменов в городе. Наверняка, именно по его настоянию банк не пошел навстречу Валерию.

Валерий частенько вспоминал, как они с Ильей шли из здания суда к своей машине, как наперерез им вышел невысокий плотный пожилой мужчина с белым, как мел, лицом и отчетливо проговорил: "Вспомните еще меня, мерзавцы..." Илья, измотанный, еле живой, тогда сжал кулаки и смолчал. Сейчас уже совсем другое дело, Илья не станет выслушивать угрозы молча. Сейчас Илью надо бы держать от Гарона подальше.

— Валера, я ведь не враг ни тебе, ни себе. Не накручивай на мозги, — проронил Илья, словно почувствовал, о чем брат думает.

Валерий выпрямился, покачал головой:

— Я не накручиваю. Я обдумываю... Илюша, а возьми-ка ты отпуск что ли...

— Здрате-приехали... — фыркнул Илья. — Ничего умнее придумать ты не смог?

— Мне было бы спокойнее.

— А мне спокойнее, когда ты у меня на глазах, — отрезал Илья.

— Я дал заказ в агентство, обещали подобрать личного охранника с медицинским образованием.

— Вот когда подберут, я в отпуск и пойду. Может быть.

Притворщики. Продолжение 2

* * *

— Давайте что ли чаю попьем... — Максим Кочкин с кряхтением потянулся. — Полинушка, вруби агрегат, будь ласка!

Полина обернулась к тумбочке и нажала на кнопку электрического чайника. Тот бодро зашипел.

— В коридоре, если кто забыл, стоит новейший аппарат по выдаче напитков, причем бесплатно, — заметил Рубин, проходя мимо. — Казьмин для нас старался.

— Он старался не для нас, а для себя, — возразил Ваня Смирнов. — Чтобы мы не пользовались чайниками и не спалили ему контору.

— Мой юный друг, ты не совсем прав, — отозвался Кочкин. — Эта контора не только ему, но и нам с тобой тоже еще пригодится. Другое дело, я не собираюсь пить бурду, которая смешана в этом аппарате. Я хочу нормального человеческого чая...

— Макс, там двенадцать видов напитков, — вставила Лиза Пряхина. — Кроме чая...

— Ага, — саркастически усмехнулся Кочкин. — Чай с одинарным сахаром, чай с двойным сахаром, чай с молоком, чай с лимонным сиропом, холодный чай, горячий кофе, холодный кофе, кофе с молоком... ну, что я там еще забыл? Баловство все это.

— Чайник вскипел! — сообщила Полина, услышав за спиной характерный щелчок.

Кочкин зазвенел ложечкой о край чашки. Лиза Пряхина, решив, видимо, что воспользоваться богатым ассортиментом чайного аппарата она еще успеет, тоже полезла в ящик стола за своей посудой. Маленький дружный коллектив Рубина готовился к первому ланчу. На начальника, сидящего за столом в своем стеклянном аквариуме, внимание обращать не полагалось.

Рубин оказался прав: войти в коллектив Полине было не сложно. Она давно уже не корчила из себя королеву. Сладостный и глупый период, когда каждый выход в люди планируется, как покорение мира, Полина пережила еще лет в шестнадцать. Теперь она предпочитала быть такой, какая есть. Очень удобно и нехлопотно.

Подчиненных у Рубина, не считая Полины, на тот момент было трое.

Максим Кочкин, ветеран компании, работал с Рубиным сто лет. Иногда казалось, что в отделе он не подчиненный, и не второй начальник, а лицо абсолютно самостоятельное. Сам определял себе обязанности, сам контролировал их выполнение. Создавал он впечатление человека здорового, но занудой не был, любил побалагурить, поговорить об отвлеченных и высших материях, щедро рассыпал комплименты собеседникам любого пола и возраста.

Елизавета Пряхина была девушкой очень бойкой, активной и мгновенно оказывалась в курсе абсолютно всего, что делалось в компании. Некоторое время назад ее перевели к Рубину из отдела поддержки пользователей, где она консультировала клиентов на телефонной горячей линии. Удивительно, Лизочка справлялась с работой телефонным консультантом. Она и пятнадцати минут не могла высидеть на рабочем месте, постоянно убегала куда-то и возвращалась со всевозможными новостями. Благодаря ей отдел Рубина одним из первых узнавал, когда на банковские карты перечислят премию, кто забеременел, кто уволен, в чьем присутствии лучше не критиковать руководство... Однако обязанности

свои она выполняла, и даже, видимо, неплохо, потому что Рубин, человек достаточно строгий и требовательный, смотрел на ее бурную общественную жизнь сквозь пальцы.

Ванечке Смирнову, местному юному дарованию, едва исполнилось восемнадцать. Как выяснила Полина, Рубин подобрал Ваню совершенно случайно и, уступив настойчивости юного соискателя, согласился взять его к себе. Мальчишка был иногородним, приехал поступать в университет, но по конкурсу прошел только на платное заочное отделение. Без нормально оплачиваемой работы ему было не обойтись. Мальчик рвался в программисты, но с этим пока нужно было повременить. Рубин поручил ему освоить процесс установки нового программного пакета на всевозможные разновидности серверного оборудования под управлением разных операционных систем. Теперь Ванечка бойко ориентировался в своей области, устанавливал программы у бета-тестеров, решал системные проблемы, устранял конфликты с оборудованием. Рубин под свою ответственность выдал ему право допуска к дистрибутивам самого высокого уровня. Ванечку в отделе любили. Макс Кочкин относился к нему по-отечески и называл сынком. Лиза подкармливала его мамиными пирожками и наставляла прямо, как старшая сестра. Полине он тоже понравился: скромный, улыбчивый, симпатичный.

— Полина, у вас сахарку не найдется? — шепнул Ваня, подходя к общественному чайнику за кипятком вслед за "старшими товарищами".

— Ванюша, я без сахара пью, — развела руками Полина. — И я ж тебя просила не выкать мне. Я неуютно себя чувствую.

— Да я забываю все время, — виновато сказал паренек.

— У Лизы сахар есть.

— Я знаю. Но я у нее вчера стрелял... А у Максима Васильича позавчера...

— А у меня на той неделе, — добавил неизвестно откуда взявшийся Рубин. — Допустим, что я уже об этом забыл... На, держи, студент.

И Рубин протянул Ване небольшую стеклянную банку с сахаром. Ванечка зарделся. Он вообще краснел очень легко. Кожа его была необычно нежной, гладкой, почти прозрачной. Чуть что — щеки мальчишки вспыхивали.

— Тимофей Ильич, ну что вы... не надо...

— Уж не думаешь ли ты, что это мой последний сахар? Бери, не стесняйся, — Рубин плеснул себе в чашку горячей воды и ушел обратно в свой аквариум.

— Черт, неудобно... — проворчал Ваня. — У меня ж деньги-то есть... Забываю все время этот проклятый сахар купить.

— Ты, склеротик юный, лучше пей давай, — сказал вдруг Кочкин, — а то сейчас заявится Казьмин, и придется нам прилежно пялиться в экраны.

— С чего это он заявится? — пожал плечами Ванечка.

— С чего, с чего... С того, — туманно пояснил Максим.

Открылась дверь, и в кабинет бодро вошел Валерий Казьмин:

— Добрый день, коллеги!

— Здравствуйте, Валерий Петрович! — за всех провозгласила Лиза.

Казьмин прошел к Рубину, поздоровался с ним за руку и присел к его столу. Видимо, он задал какой-то вопрос, Рубин начал что-то объяснять, выразительно жестикулируя.

— Полина, — таким тоном, будто бы она с трудом сдерживается, чтобы не открыть страшную тайну, вполголоса проговорила Лиза. — А ведь Казьмин сюда к тебе ходит.

— Выдумывай больше! — возмутилась Полина.

— Точно говорю, — уверенно подтвердила Лиза.

— Ерунда.

— Да? А почему тогда раньше мы месяцами его не видели, а теперь, с тех пор, как ты у нас появилась, он каждый день сюда ходит, словно ему тут медом намазано?

Полина взглянула на Кочкина. Он в подтверждение кивнул, выразительно прикрыв глаза.

— Вот новость, — развела руками Полина. — Я думала, у вас так всегда. Высокое начальство любит быть в курсе, и все такое...

Лизочка многозначительно хмыкнула.

Тем временем Казьмин вышел из аквариума.

— Ну как, Макс, много модулей приходится разработчикам возвращать?

— В последнее время поменьше, — ответил Кочкин. — Многое поправляю сам.

Казьмин кивнул и прошел к столу Полины.

Действительно, все две недели, пока Полина привыкала к своему новому рабочему месту, Казьмин регулярно навещался в отдел Рубина. Он всегда вежливо здоровался, шел в аквариум и, пробыв там десять-пятнадцать минут, уходил. Иногда по пути он перебрался парой фраз с Кочкиным. На остальных он никакого внимания не обращал.

На этот раз Казьмин не только подошел к Полине, но и, подвинув к себе свободный стул, присел рядом.

— Ну как, осваиваетесь?

— Да, спасибо, все в порядке.

— Вы уже имели возможность свежим взглядом оценить общую картину?

— Боюсь, что картина пока слишком общая, — ответила Полина, стараясь не замечать, какие умильные глазки строит Лизочка из-за спины Казьмина.

— Бета-тестинг стоил нам очень дорого. И мы вправе требовать с партнеров отдачи. Необходимо срочно подхлестнуть тех, кто пренебрегает своими обязательствами. Что вам удалось выяснить?

— Очень редко поступают отчеты от фирмы "Эдельвейс" и от компании "Ривьера". К тому же замечания от "Эдельвейса" вообще мало относятся к делу, больше смахивают на отписки...

Казьмин удовлетворенно кивнул:

— Ну вот видите, есть поле для плотной работы с партнерами. Вам и карты в руки. Их надо либо расшевелить, либо передать соображения юридической службе для составления иска о выплате неустойки за неисполнение договора.

— Да, Тимофей Ильич уже поставил мне такую задачу.

— Если у вас появятся проблемы в общении с руководством бета-тестеров, если они будут темнить, препятствовать вашей работе, обращайтесь сразу же непосредственно ко мне. Разборки в верхах — это в компетенции моей, не Рубина.

— Хорошо, я поняла.

— Ну, желаю удачи, — Казьмин поднялся и вышел.

* * *

— Какие люди! — хозяин кабинета выпростал из кресла рыхлое тело и потянулся навстречу вошедшему. — Валерка, что ж ты не предупредил?

— А что б изменилось, если бы я предупредил? — усмехнулся Валерий, протягивая

руку. — Привет, Саврасыч...

— Здорово, здорово... Садись, дружище... Будь как дома...

Константин Саврасов был владельцем и директором крупнейшей в городе компании по тиражированию и распространению программного обеспечения, музыкальной и видеопродукции на цифровых носителях. Фирма "Канзас" много лет была для "Гепарда" важнейшим партнером. Львиная доля программных продуктов компании Валерия поступали на рынок через фирму Саврасова. Соответственно через нее же "Гепард" получал практически все регулярные доходы.

Валерий опустил в кресло и внимательно взглянул снизу вверх на порядком растерявшегося партнера. Саврасов словно оцепенел, набычившись.

— Мне что, тоже встать? — уточнил Валерий.

— Извини, задумался... — Саврасов сел в свое кресло. — Давненько ты у меня не бывал.

— Ты не давал повода для визитов.

— Повод тебе нужен? — удивился и обиделся Саврасов. — Ты что, старик?

— Конечно, Костя, куда ж без повода. Мы ж с тобой деловые люди. Партнеры!.. — Валерий не смог сдержать сарказма.

Приятели были знакомы давным-давно. Вместе когда-то работали, потом одновременно начали каждый свой бизнес. Помогали друг другу, чем могли. Бывало, конфликтовали, конкурировали, но потом все же заняли каждый свою нишу и много лет были надежными партнерами. Пока не произошло нечто.

— Слушай, Казьмин, давай-ка коньячку, а? За встречу, по пятьдесят? — Саврасов опять подхватился и вскочил.

Валерий махнул рукой:

— Нет-нет, благодарю...

— Так за встречу же!..

— Костя, ты что, забыл? Мне нельзя.

— Да я помню, но... — Саврасов по инерции дернулся, потом все же сел обратно. — Извини, Валерка.

Валерий обвел взглядом тесный кабинет, набитые папками стеллажи, стол, заваленный черт знает чем: дисками, проспектами, оригинал-макетами обложек, таблицами... Дела, судя по всему, били ключом.

— Ну что, партнер, посмотри мне в глаза, — проговорил Валерий.

Саврасов шумно надул щеки и, бросив на Валерия рассеянный взгляд, опустил голову.

— Когда от тебя не поступил один платеж, я не обратил на это внимания. Думал, рабочая ситуация, с кем не бывает. Саврасыч не должен меня подвести. Ну не перевел деньги сейчас, переведет на следующей неделе...

Саврасов неуютно поежился.

— Костя, уже месяц от тебя нет ни копейки. Ты в курсе, сколько ты мне должен?

— Само собой, — буркнул тот.

— Так что же случилось, Костя? — спокойно и даже сочувственно спросил Валерий.

— Я задолжал не только тебе, — буркнул Саврасов. — Так вышло. Чистейший форс-мажор. Непредвиденный сбой... Счета фирмы практически пусты.

— А почему твой мобильник все время не доступен? Счета так пусты, что аж на телефон не хватает? А почему твоя секретарша все это время отказывалась соединять меня с

тобой по городскому?

— Значит, меня не было на месте.

— Да ты что? Серьезно? Ну, тогда сейчас тебя тоже не должно быть на месте. Я только что звонил снизу, из машины.

Саврасов тупо смотрел в стол.

— Ты не желаешь даже объясниться? Ты поставил меня в критическое положение и даже не хочешь со мной разговаривать?

Саврасов поднял руки, защищаясь:

— Валера, мне очень жаль. Я попал в сложную ситуацию. Мне нечем пока заплатить тебе.

Ситуация была точно сложная, без сомнения. Одного взгляда на Саврасова было достаточно, чтобы в этом убедиться.

— Почему я должен наносить неожиданные визиты, чтобы услышать от тебя хотя бы эту чушь собачью?!

— Валера, успокойся... Можешь подать на меня в суд, но я все равно не смогу заплатить тебе раньше, чем разделаюсь со своими проблемами, — убитым голосом произнес Саврасов.

Он выглядел, прямо сказать, неважно.

— Что, Костя, на самом деле все так плохо?

Он мрачно кивнул.

На столе зазвонил телефон. Саврасов взял трубку. На том конце кто-то оживленно заговорил. Искаженный динамиком голос отчетливо зазвучал в кабинете.

— ... Константин Семенович, перевели за свет и авансы по прибыли... Осталось еще два с хвостиком. "Телекому" или "Фаргасу"?

— Да, — проговорил Саврасов.

— "Да" кому? "Телекому"?

— Да, — повторил Саврасов и повесил трубку.

Несколько секунд Валерий молчал, пытаясь унять ярость. Подумал даже, что от греха лучше встать и уйти. Потом все же спросил с усмешкой:

— А почему не "Гепарду"?

— Что? — вздрогнул Саврасов.

— А ты в курсе, партнер, что у твоего телефона хреново отрегулирован динамик? Я прекрасно слышал твоего бухгалтера. Так почему для "Телекома" и "Фаргаса" деньги есть, а для "Гепарда" нет уже целый месяц?

Лицо Саврасова покрылось красными пятнами.

— Костя, что происходит? — жестко спросил Валерий.

Саврасов со стоном закрыл лицо рукой, крепко потер лоб, но так ничего и не ответил.

— Саврасыч, ёлы-палы... Что ты творишь? Что ты со мной делаешь, а?

Саврасов упорно молчал.

— Ну и черт с ней, с нашей дружбой... Была и нету, переживу как-нибудь. Но почему ты наплевал на партнерские договоренности? Наш совместный бизнес тебя больше не интересует?

— Казьмин, не дави на меня! — взмолился Саврасов. — И так тошно!

— Ах, тошно тебе? Бедняга. А друзей предавать всегда тошно. Неужто ты не знал?

Саврасов страдальчески мыкнул что-то.

Валерий просто встал и направился к двери.

— Валера, постой.

Валерий остановился.

Саврасов все также с трудом вынул себя из кресла и подошел к нему.

— Мне не оставили выбора, Казьмин. Я немало нагрешил за эти годы, меня есть за что прижать. И меня прижали. Я знаю, в какую задницу ты угодил из-за всего этого, но я ничем не могу сейчас тебе помочь...

— Я шел всего лишь проверить свои подозрения. Мне нужно было услышать правду, как она есть. Не надо было предлагать коньяк и рассказывать о мнимом тяжелом материальном положении... Скажи — это Гарон, да?

Константин Саврасов опять надул щеки и потупился.

— Костя, убить тебя мало... Что ты мнешься?

— Он мне руки выкрутил, — пробурчал Саврасов. — Валерка, я тебя сто лет знаю, мне страшно неловко перед тобой, но у меня нет другого выхода.

— Знаешь, Саврасыч, я тебя понимаю. Меня тоже есть чем прижать. Возможно, и я сделал бы выбор не в твою пользу. Но я точно снял бы трубку и сказал тебе: "Извини, старик, меня обложили. Будь готов к большой жопе"... И тут не надо много ума, только чуть-чуть совести.

Саврасов угрюмо двигал челюстью и молчал.

— Пока, Константин.

— Подожди, — Саврасов удержал его за локоть. — У меня есть сейчас немного личных свободных денег. Наберу тысяч десять евриков. Возьми наличкой.

— Благодарю, но эти крохи мою компанию не спасут... — грустно усмехнулся Валерий. — Ты не намерен погасить свою задолженность?

— Валера, я не могу. Прости меня.

— Пока, Саврасыч.

Не подав руки бывшему другу, Валерий поспешно вышел из кабинета и спустился вниз, к поджидающей его машине.

— Ну что? — спросил Илья, трогаясь с места.

— Ничего хорошего, — буркнул Валерий. — У него руки связаны. Гарон его на чем-то поддел, и в ближайшее время Саврасов с крючка не слезет.

— Что будем делать?

— Что кому положено, то и будем делать. Отвезешь меня в контору, буду искать деньги. А ты поедешь в Пулково, там сегодня Полина Крымова на выезде. Заберешь ее и отвезешь домой.

Илья неодобрительно посмотрел на брата:

— А что, она сама домой не доберется?

— А ты никогда не пробовал добираться из Пулково общественным транспортом?

— Но туда она ведь как-то доехала!

— Ты слышал приказ начальства? Вот и выполняй без разговоров, — отрезал Валерий.

— А ты? Как ты домой поедешь?

— Вот невидаль! На электричке доеду.

* * *

— Ну, что скажешь?

Ваня Смирнов задумчиво нахмурился, просматривая файл-протокол.

— А скажу, что ни фига они тут не чесались, — сердито отозвался он. — За последний месяц прога запускалась четыре раза. Сеансы от пяти до пятнадцати минут. Так, кто-то побаловался, и все. Если они будут тебе петь, что днями и ночами из программы не вылезают, не верь своим ушам.

— Спасибо, учту, — Полина стояла у Вани за спиной, пытаюсь понять, откуда и как он берет информацию. — Они, кстати, говорят, что этот компьютер стал все время виснуть и глючить после того, как ты установил "Толмача".

— Сами они глючат, — фыркнул Ваня. — Нет, все может быть, конечно. Но не похоже. "Толмач" машину такого класса не должен напрягать. Я могу, конечно, посмотреть для очистки совести...

— Посмотри, Ванюша, посмотри. А то им денежки-то регулярно получать нравится, а работать-то, похоже, не очень.

Ваня серьезно сдвинул брови и с грозным видом занялся несчастным компьютером.

Полина, чтобы не висеть у него над душой, отошла к окну, поглазеть на панораму взлетного поля.

Фирма "Ривьера" занимала три кабинета в офисной части аэропорта "Пулково". Эта маленькая контора вела оживленный туристический бизнес, и, естественно, отлично годилась для бета-тестинга новой программы "Гепарда".

Программа "Толмач" была программой-переводчиком. Полине раньше случалось пользоваться разными программами для перевода текстов. Каждый, кто хоть раз пытался переводить текст на компьютере, знает, насколько примитивны и забавны электронные переводчики. Чтобы в этом убедиться, достаточно взять небольшой текст, перевести его на другой язык, потом взять перевод и проделать с ним обратную манипуляцию. И сравнить оригинал с тем, что получилось после двойного перевода. Как правило, чтобы с помощью такой программы получить текст, который не стыдно будет выслать зарубежному деловому партнеру или клиенту, нужно его дополнительно исправлять и причесывать. Даже чтобы сдать студенческий перевод университетскому преподавателю, нужно после электронного переводчика попотеть над текстом со словарем и грамматикой.

Изучив "Толмача", Полина прониклась уважением к своим землякам-программерам, сумевшим заткнуть за пояс предшественников. Макс Кочкин рассказал Полине, как создавали "Толмача", как для разработки собственной математической модели языка привлекали филологов и математиков-лингвистов, сколько денег выложили за услуги специалистов высочайшего класса. "Толмач" должен был получиться на славу. Это был интеллектуальный переводчик, он учитывал при переводе лица, числа, падежи и переносные значения слов. Пока была реализована только ограниченная функция русско-англо-русского перевода. В полной версии "Толмач" должен был занимать немало места и сжирать много ресурсов машины при работе, но результат ожидался потрясающий.

То ли в "Ривьере" зарубежную переписку вели непревзойденные знатоки иностранных языков, то ли им было все равно, какого качества тексты посылать своим клиентам, но обязанностями бета-тестера "Ривьера" явно пренебрегала.

Ваня все корпел над той единственной машиной в "Ривьере", на которую несколько месяцев назад установили "Толмача".

— Скажи им, пусть не поют песни, — сделал он вывод, когда Полина подошла к нему снова. — Машина — зверь. Программа тоже. Просто надо дело делать, а не в носу

ковырять...

Из соседнего кабинета вышел паренек, доставая на ходу сигарету. Дверь он не закрыл, и Полине стало видно соседнее помещение. Несколько человек сидели за компьютерами. Мужчина увлеченно играл в какую-то аркаду, девушка набирала что-то в таблице, юноша в дальнем углу вводил цифры в 1С. За столом у самой двери никого не было, судя по рабочему беспорядку, именно его владелец отправился на перекур. А в цветовой гамме картинки на его мониторе Полина, присмотревшись, узнала рабочее окно "Толмача".

Она вошла в соседний кабинет, приблизилась к интересующему ее монитору. Так и есть. За этим столом кто-то всю работу в "Толмаче".

— Какие-то проблемы? — произнес за ее спиной приятный молодой голос.

Парнишка, вертя в пальцах сигарету, подошел к своему столу.

— Давно с программой работаете?

— Ну да, давно уже. Месяца два.

— И как?

— Вещь! — уверенно сказал парень. — Ну, конечно, для пущей важности перепроверяю всякий раз, но ляпов мало. Я и домой себе эту прогу поставил. Сестра "Гарри Поттера" последнего по-английски скачала и перевела. Говорит, вполне читабельно... Нет, серьезно, хорошая вещь. Особенно после того, что мне раньше попадалось...

— А кроме вас кто-нибудь еще ею пользуется?

— Да все пользуются. Ну, кому надо... — охотно пояснил паренек. — Я знаю, девчонки из авиакомпании не очень довольны: им специальных терминов в словаре не хватает. А нам достаточно того, что есть.

Полина оставила в покое словоохотливого паренька. Похоже, он и не подозревал о том, что происходит.

Ваня уже закончил возиться с компьютером и убирал диски в контейнер.

— Иван, а ты не знаешь, часом, почему здесь "Толмач" стоит на каждой машине?

Ваня вздрогнул, удивленно раскрыл глаза:

— Что значит "на каждой"?

— Значит, что тестировать "Толмача" здесь никто не собирается, зато им успешно пользуются все, кому не лень.

— Этого не может быть, — твердо сказал Ваня.

— Этого не должно быть, — подчеркнула Полина. — А на самом деле может быть все, что угодно. Особенно, если они каким-то образом получили доступ к дистрибутиву...

Иван моментально вспыхнул, как маков цвет.

— Ты что, думаешь, это я отдал им дистрибутив?

— Судя по документам Рубина, никто кроме тебя сюда не приезжал. Значит, ты либо случайно оставил им диск, либо...

— Я ничего не оставлял! — громким шепотом возмутился Иван.

Полине было не очень приятно допрашивать своего юного коллегу. Но факт оставался фактом: сама программа не могла чудесным образом размножиться с одной машины на другую, тем более оказаться дома у одного из сотрудников. Потому как это было против условий договора, и технические специалисты "Гепарда" сделали все, чтобы исключить такую возможность.

— "Толмач" стоит не только на каждой машине "Ривьеры", но и у работников авиакомпании... — добавила Полина. — Не удивлюсь, если все фирмы, живущие в

аэропорту, уже пользуются "Толмачом".

Иван упрямо сжал зубы. Теперь его щеки побледнели.

— Полина... Полина, пожалуйста, не выдавай меня...

— Ванька, ты что, с ума сошел?! — расстроилась она. — Ну как ты мог?! Тебя же уволят теперь...

Полина представила, какой скандал разразится в "Гепарде", когда начальство узнает о проделке Ивана, и ей стало не по себе.

— Ты ж людей подвел, которые тебе доверились. У тебя что, совсем голова пустая?!

— Полина! — он закусил губы, и глаза его наполнились слезами. — Не говори никому, пожалуйста!

— Ванька! Что значит "не говори"? Как ты вообще умудрился такое устроить?

Мальчишка поозирался по сторонам, но слушать их разговор было некому.

— Понимаешь, я когда приехал к ним, меня директор уломал. Говорит, все равно никто не будет специально садиться за одну-единственную машину, чтобы прогу осваивать. Не будет, говорит, толку. Поставь, мол, на все машины, тогда будет отдача... Я дистрибутив скопировал на сервер, и с него по локалке на все машины установил. А с сервера стереть забыл...

— Ты не должен был этого делать! "Гепард" заплатил им немалые деньги, а ты еще в придачу и дистрибутив подарил! Или не подарил?

Иван тяжело вздохнул:

— Да что ты?! Не брал я у них ни копейки. Да и дистрибутив-то тестовый с фиксированной датой, через три недели срок кончится, программа будет заблокирована на всех компьютерах... Полина, я очень тебя прошу, не сдавай меня!

Он умоляюще взглянул ей в глаза, чуть не плача.

— Мне нужна эта работа, Полина. Иначе я вообще без гроша останусь, а мне за учебу платить, за квартиру тоже...

— Кому ты еще что установил?

— Да никому больше... — прошептал Ванька, отвернувшись. — Честное слово...

Он глухо шмыгнул носом и тяжело вздохнул.

Весело заверещал мобильник. Ваня вынул его из чехла на поясе.

— Да. Да, я уже заканчиваю. Пока.

Он убрал телефон и опять со страдальческим видом взглянул на Полину. Словно копеечку просил.

— Полина, там мама моя в Питер приехала, у сестры своей остановилась... Можно я пораньше сбегу отсюда?

— Ступай на все четыре стороны! — рявкнула Полина.

— Полина, ну ты что решила? Не закладывай меня, а?

— Ваня, если я еще раз столкнусь с тем, что ты своевольничаешь, я...

— Спасибо! — Ванька схватил Полину за плечи, но поцеловать, видимо, постеснялся. Всего лишь порывисто обнял и отпустил. — Я у тебя в долгу!

— Иди уже к маме, а я постараюсь тут уладить все это безобразие.

Ваня подхватил свой мини-кейс с дисками, рванул с кресла курточку и поскорее убежал.

Полина тяжело вздохнула и отправилась разыскивать директора "Ривьеры". Надо было наводить порядок.

Илья отыскал в телефонном справочнике пока плохо знакомый ему номер.

— Полина? Это Власов, водитель "Гепарда". Мне поручено отвезти вас домой. Жду на стоянке около выхода номер три.

Она удивленно поблагодарила и сказала, что скоро выйдет.

Илья заглушил двигатель и выбрался из машины. Моросил мелкий холодный дождь, но Илья, верный своему принципу не курить в салоне, только поднял повыше воротник и с наслаждением прикурил.

Илья давно не чувствовал себя так паршиво. Нет ничего мучительнее, чем бессильно наблюдать, как у близких рушится все. Илья ничем не мог помочь брату. Разжать финансовый капкан, в который угодил Валерий, было не во власти Ильи. Смотреть на то, как брат день ото дня становится все более подавленным и усталым, было совсем невмоготу. Валерий все чаще напряженно молчал, что-то обдумывал, дома засиживался за полночь за компьютером, мало и неохотно ел и, что самое неприятное, постоянно забывал принимать лекарства. С Ильей он своими планами и размышлениями не делился. В чем-то он был прав — Илья не разбирался в законах бизнеса, ни посоветовать, ни рассудить о проблеме со знанием дела он не мог.

Зато Илья почти сразу заметил, как светлеет лицо брата, едва он завидит Полину Крымову. Девушка была симпатичная, но держала себя так отстраненно и замкнуто, что Илье было безумно жаль Валерия. Брат пытался привлечь ее внимание, но она была всегда серьезна и непроницаема. Кажется, все досужие сплетники в офисе были в курсе, что генеральный запал на новенькую сотрудницу. Она одна держалась так, будто ничего не подозревает. Достойная позиция. В глазах Ильи она заслуживала уважения.

Девушка появилась на стоянке, едва Илья успел докурить. Когда Илья открыл перед ней дверцу, ее брови удивленно поползли вверх. Видимо, мужчины-водители нечасто проявляли к ней учтивость, раз обыденная вежливость вызвала изумление. Пробормотав "спасибо", она села в машину.

— Я живу...

— Я знаю, на Дунайском, — ответил Илья.

— Хорошо, если знаете, — усмехнулась она. — Мне пристегнуться?

— Да, если планируете пожить подольше.

Она потянула пружинящий ремень безопасности из гнезда. Илья перехватил замок ремня из ее рук и сам вставил его в разъем.

Илья вывел Мерседес на Пулковское шоссе и помчал к городу. Ему хотелось поскорее избавиться от своей симпатичной пассажирки. Если Валерий надолго застрял в офисе, то был шанс перехватить его. Илье не очень нравилась идея Валерия возвращаться домой на электричке.

Полина сидела молча, даже глаза прикрыла, откинувшись на подголовник. Илья пару раз покосился на нее. Ее веки даже не вздрагивали, она словно крепко задремала. Илья немного поправил зеркало заднего вида, чтобы лучше рассмотреть девушку. Правильные черты лица, гладкая кожа со следами легкого загара, тонкие ниточки бровей. Приятное лицо, но ничего особенного. Абсолютно ничего. Чем же она так приглянулась Валерке? Не иначе своим таинственным невозмутимым молчанием. Почувал брат родственную одинокую душу и растаял. Бедняга...

Полина вздрогнула и выпрямилась на сидении.

— Ох, ничего себе... Я и не думала, что меня укачает.

— Вам нехорошо?

— Не в том смысле. Я, кажется, уснула, — виновато сказала она.

— Главное, чтобы я не заснул, — пожал плечами Илья.

Краем глаза в зеркале заднего вида Илья заметил огромный грязный тонированный джип. Машина выросла позади и то чуть отставала, то приближалась почти вплотную, чуть не касаясь "Мерседеса" Ильи.

На шоссе в этот час было довольно оживленно. Малейшая помеха на трассе, необходимость торможения — и джип форменным образом наедет на задний бампер мерса.

Илья чуть сдал вправо, предлагая джипу обгон от греха подальше. Тот обгонять не пожелал.

Тогда Илья сделал попытку оторваться от опасного преследователя. Джип моментально нагнал их и уперся вплотную.

— Что им надо? — спросила вдруг Полина.

Илья не ожидал, что пассажирка вообще заметит его маневры.

— Да мало ли придурков на трассе, — неопределенно ответил Илья.

Ощущение опасности, наконец, материализовалось. Джип внезапно отстал, потом рванулся вперед, пошел на обгон...

Жесткий мощный толчок. На скользкой мокрой дороге Мерседес резко повело в сторону. Илья выкрутил руль, пытаясь поймать машину и выровнять ее. Автомобиль развернуло, он чудом избежал встречной полосы и, уже теряя скорость, начал сползать в неглубокий кювет. Наконец, мерс остановился.

— Как вы? — бросив руль, Илья склонился над пассажиркой.

Девушка сидела с широко распахнутыми глазами и потирала локоть.

— Да вот, чуть стекло вам не выбила... — растеряно улынулась она.

— Чепуха какая! — с облегчением фыркнул Илья. — Вы сильно ушиблись?

— Нет, не очень. А вы?

— Я в порядке.

Илья вышел из машины. Виновника происшествия и след простыл. На левом заднем крыле вмятина, и бампер поврежден. Бросив беглый взгляд на результат наглой атаки, Илья вернулся на свое место.

— Где они? — тревожно спросила Полина.

— Удрали, сволочи.

Полина взглянула на Илью серьезно и внимательно:

— А вы молодец.

— То есть?

— Если бы не вы, нас бы на встречную выкинуло.

Похвала была приятна. Особенно учитывая, что девушка точно оценила серьезность происшествия.

Всю оставшуюся часть пути они молчали. Полина рассеяно смотрела перед собой и машинально потирала ушибленную руку.

Илья время от времени бросал на нее быстрые взгляды. Он вдруг понял, что Валера снова прав, как всегда. Эта девушка могла разбить сердце. Правда, Валеркиному сердцу такие испытания были уже не по силам.

Остановившись около панельной девятиэтажки, Илья вышел из машины и направился открывать Полине дверь. Но пока он обходил автомобиль, девушка уже выбралась сама. Она встала, выпрямилась, и вдруг, пошатнувшись, оперлась рукой о крышу автомобиля. Илья подхватил ее под руку.

— Что с вами?

— Не знаю, ерунда какая-то, — с удивлением отозвалась она. — Повело вдруг... Да ничего, уже все в порядке.

— Пожалуй, я провожу вас до квартиры.

Она не спеша пошла вперед. Илья шел рядом, внимательно следил за Полиной и был готов немедленно прийти на помощь.

Но все обошлось. Около дверей ее квартиры Илья уже собрался попрощаться, но девушка, доставая из сумочки ключи, вдруг спросила:

— Кофе хотите?

— Хочу.

* * *

— Вы точно целы? — в который раз уточнил Власов, проходя за Полиной в кухню.

— Ну, будет синяк на локте, так это не беда... Вы какой пьете?

— Покрепче.

Пока из кофеварки неспешно падали ароматные тяжелые капли, оба молчали.

Власов стоял у окна и рассеянно смотрел в окно. Его скулы просто ходуном ходили.

Полина подала Илье тяжелую чашку, он поблагодарил кивком, взял ее в руки и тут же потянул к губам.

— Осторожно, горячо!

— М-м-м... — Илья отрицательно замотал головой, проглотил кофе и пояснил. — Нормально, я привык к горячему.

Он осторожно присел на табурет.

В кухне было тепло, но Илья так держал в ладонях чашку, словно пытался согреться. А руки его еле заметно дрожали, словно с перепоя. На алкоголика Власов не был похож. Неужели происшествие настолько выбило его из колеи?

В квартире этажом ниже взревели мощные динамики. Что уж там за музыку слушал сосед снизу, Полине никогда не удавалось расслышать. Но стены ее квартиры привычно содрогались от низких ритмичных ударов.

Илья вздрогнул и недоуменно взглянул на Полину.

— Что это?

— Это в квартире под нами.

— Я догадался. И что это?

— Музыка, — беспомощно пожала плечами Полина. — Наверное.

— Частенько его так колбасит?

— Практически постоянно. Этот безработный лоботряс спит, когда добрые люди на работе...

Илья брезгливо покривился, прислушиваясь к ровному настырному уханью басов.

— Вы с ним говорили?

— Раз сто.

— Бить не пробовали?

— Что? — рассмеялась Полина.

— Это, конечно, последнее средство, но, как правило, оно отменно помогает, — серьезно сказал Власов.

— И как вы себе это представляете? — вздохнула Полина.

— Легко, — Илья поставил чашку на стол и, поддергивая на ходу рукава джемпера, пошел к входной двери.

Дверь он не захлопнул. Полина слышала, как он спускается по ступеням, потом шаги затихли. Через некоторое время сосед открыл дверь, и разухабистая тяжелая музыка загремела на лестнице, заглушая все звуки.

Под этот грохот Илья Власов снова появился в квартире. Он прошел на кухню, сел у стола на прежнее место и, взяв свою чашку, принялся невозмутимо допивать.

— Ну и? — уточнила Полина под нестихающее уханье басов.

— Придется немного потерпеть, — отозвался Илья.

— Ну вот... — разочарованно протянула Полина. — А вы так рьяно взялись за дело, что я думала...

Удары басов прекратились одним махом. Квартира погрузилась в блаженную тишину.

— Не судите его строго, — процедил Илья. — Ему потребовалось некоторое время, чтобы очухаться, встать на ноги и доковылять до музыкальной установки.

Полина от души расхохоталась.

— Илья, да вы настоящий мачо, честное слово!

Он скептически поджал губы и повел плечами. Полину забеспокоилась:

— А вдруг он, когда вы уйдете, отыграется на мне с удвоенной силой?

— Не думаю. Он предупрежден о последствиях.

— Спасибо вам.

— Не за что. К вашим услугам в любое время, — холодно сказал Илья.

Полина насторожилась. Убийственная серьезность Власова не предвещала ничего хорошего. Он не то что ни разу не пошутил, даже ни разу не улыбнулся, не произнес ни одного лишнего слова. Как робот. Терминатор, да и только. Мрачный, сдержанный, немного недокормленный терминатор.

Он отставил пустую чашку и внимательно взглянул Полине в глаза.

— У меня есть к вам просьба, — начал он. — Несколько странная...

Полина не удивилась. У этого странного утонченного рыжего терминатора могли быть только такие же, как он сам, странные просьбы.

— Скажите, Полина, как вы относитесь к Валерию?

— А как я должна к нему относиться? — растерялась Полина. — Он хозяин компании, в которой я прохожу испытательный срок...

— Бросьте! — резко оборвал ее Власов.

Полина послушно замолчала.

Илья мучительно вздохнул и нервно взъерошил волосы пятерней.

— Черт! Идиотская ситуация! — он помотал головой и прикрыл глаза. — Но у меня нет выбора... Полина, вы имеете какие-нибудь виды на Валерия?

— Что такое? — Полина одновременно и удивилась, и испугалась. — Ничего себе вопросик! Вам-то что за дело?!

— Мне есть дело. Я его брат.

Дело принимало занятный оборот. Полина присела на соседний табурет и обратилась в

слух.

— У нас разные отцы. Мы непохожи, и нам легко не разглашать родство, — пояснил Власов. — Этого требуют некоторые обстоятельства. Так проще.

— Да и ради Бога! — пожалала плечами Полина. — Братья так братья. Все равно, Илья, это не дает вам право задавать возмутительные вопросы...

— Давайте так, — снова перебил ее Власов. — Я скажу то, что считаю нужным сказать. А потом возмущайтесь, сколько захотите. Я даже готов стать вашим вечным врагом. Все, о чем я прошу: выслушайте меня.

— Да я слушаю, слушаю, — нетерпеливо проговорила Полина. Ей хотелось, наконец, понять, что Власову от нее нужно.

— Дело в том, Полина, — Власов опять устремил на нее пронзительный холодный взгляд. — Дело в том, что Валера умирает. Он тяжело и неизлечимо болен. Болезнь прогрессирует. Ничего не помогло, ни несколько операций, ни лечение за границей, — Илья отвел взгляд, отвернулся, оперся локтем о стол и опять взъерошил коротко стриженные кудри. — Он, конечно, не сдастся. Но он живет, понимая, что сердце может в любую минуту остановиться. Только я знаю, чего это ему стоит.

— Боже мой, я сожалею...

— "Сожалею!" — Илья болезненно сморщился. — Это всего лишь слова. Пустые слова...

— Господи, Илья! — взмолилась Полина. — Что вы от меня хотите?

— Сущие пустяки. Одно из двух... Уйдите из его жизни. Или позвольте ему все.

Полина отчаянно взмахнула рукой:

— Вы понимаете, что говорите?

— Отлично понимаю, — спокойно сказал Власов. — И не думайте, что мне очень просто говорить с вами об этом. Я представляю себе последствия. Вы от меня теперь шарахаться будете. Брат, если, не дай Бог, узнает, о чем я вас просил, мне голову оторвет. Но мне сейчас все равно. Поймите меня правильно. Валерка — единственный родной мне человек. Боюсь, что отпущено ему немного. И я хочу, чтобы он прожил то время, что ему осталось, по возможности счастливо и спокойно...

Полина не выдержала:

— Вы думаете, что в моих силах его осчастливить?

— Да какая разница, что я думаю? — отмахнулся Илья. — Его тянет к вам. Скажете, что ничего не замечаете?

Полина не возразила. Ну не врать же человеку, который с тобой предельно откровенен.

— Я знаю, Илья, говорят, что умирающему отказывать жестоко... — Полина с трудом подбирала слова. — Но вы не можете требовать от меня, чтобы я... стала его... последним утешением...

Илья на последних ее словах отчаянно замотал головой:

— Все, что я хочу — это чтобы вы не стали его последним несчастьем! Поэтому если в ваши планы не входит служебный роман с работодателем, будет лучше, если вы просто исчезнете с его глаз. Навсегда.

— Какой вздор... — расстроилась Полина. — Почему только я вас слушаю?

— Я, собственно, сказал все, что хотел. Я сейчас уйду, а вы просто подумайте об этом.

Он встал, прерывисто вздохнул, прикрыв глаза, потом грустно улыбнулся:

— И спасибо за кофе.

Он пошел к двери, снял с вешалки свою кожаную куртку, сам открыл, оглянулся на пороге:

— Простите, я вижу, что сильно смутил вас. Но честное слово, у меня нет другого выхода. Простите меня. И будьте милосердны к Валерке. Он это заслужил.

* * *

Пока Валерий брел к дому, совсем стемнело. В последнее время он очень редко возвращался домой один. Сегодняшняя поездка на электричке не на шутку вымотала его. Оказалось, Валерий безвозвратно отвык от душных вонючих вагонов, от толкотни и перебранки попутчиков, от гвалта бестолковой шумной молодежи. Но поскольку Илья выполнял сегодня его личное поручение, пришлось добираться домой на своих двоих. Электричка, автобус, потом неблизкая прогулка пешком.

Пешие прогулки Валерий любил, более того, врачи настоятельно ему рекомендовали каждый день не меньше двух часов ходить пешком. К сожалению, выделить на это святое дело два часа было никак невозможно. Обычно Валерий старался побродить где-нибудь в обед. Правда, в центре города он болезненно реагировал на смог, но все же полчаса у него получалось погулять где-нибудь в окрестностях офиса. Вечерами же Валерий возвращался довольно поздно, и выходить куда-нибудь было уже выше его сил. Илья сердился, укорял, грозил завести для брата собаку, с которой волей-неволей придется выходить на улицу. Валерий отвечал, что в таком случае оба, Илья и собака, отправятся квартировать куда-нибудь в другое место.

Добравшись до дома уже затемно, Валерий оставил включенным маленький светильник у входной двери и прошел в квартиру. В темноте и тишине послышалось шуршание, легкий скрип ножек стула и тяжелый удар по полу.

— Мяу!

— Привет, толстун... Как жизнь?

Кот приветственно боднул Валерия в ногу, подлез под протянутую ладонь, выгибая спину.

— Небось голоден, обжора?

— Мяу, — подтвердил кот.

Валерий быстро разделся и, пройдя в кухню, достал из шкафа пакетик с кошачьей едой.

— Лопай, ушастый...

Кот без промедления приступил к трапезе.

Зазвонил телефон. Бросив пустой пакетик в ведро, Валерий поспешил взять трубку.

— Валерий Петрович?

Низкий мужской голос не показался Валерию знакомым.

— Я слушаю. Представьтесь.

— Георгий Гарон, — отозвался собеседник.

— И что вы хотите? — спросил Валерий, стараясь, чтобы его голос звучал твердо и спокойно. А сердце сразу же часто забилося. Хренов барометр... Не обманешь.

— Хочу задать несколько вопросов. Вы уже осознали серьезность положения вашей фирмы?

Валерий промолчал.

— Ясно. Вижу, что осознали.

— Я верну кредит. Залог вам не достанется. Можете не волноваться.

— О, нет, я не волнуюсь. Да и что о нем волноваться, о презренном металле. Деньги приходят и уходят, это их природа. Будем живы — наживем... Не так ли? Кроме денег, вы и без того давно и прилично задолжали мне.

— Суд состоялся, и я больше это не обсуждаю. Зачем вы позвонили? Вам вечерами не с кем поговорить за жизнь? — грубовато перебил его Валерий. И тут же понял, насколько цинично прозвучали эти слова.

— Да, поговорить мне не с кем. И ты даже знаешь, по чьей вине. Ты наглец и мерзавец, Казьмин, — с холодной яростью отозвалась трубка. — Я такого не забываю.

— Не надо мне угрожать.

— Я не угрожаю. Я серьезный человек, не беспредельщик. Будь иначе — твой щенок после суда и нескольких дней бы не прожил. Но я ничего не забываю.

Раздались короткие гудки. Валерий беззвучно выругался и повесил трубку. В самом деле, дурочку сваял. Гнутья перед Гароном было ни к чему, но и зарываться не стоило.

Валерий уселся в высокое кресло, откинулся на спину, тяжело перевел дыхание. Ничего теперь не поделаешь. Сам виноват. Надо быть умнее.

По его тапкам в приступе благодарности прошелся кот, отираясь головой по ногам.

— Иди сюда, Маркизка...

Кот охотно запрыгнул на колени к хозяину и затоптался по кругу, устраиваясь.

— Иди, дружище, полечи меня, — Валерий подтащил кота повыше, закинул его передние лапы себе на плечо. Маркиз не возражал. Он громко замурчал, вытягиваясь пулеметной лентой поперек груди Валерия. Поглаживая кота, чувствуя на себе горячую тяжесть, Валерий постепенно успокоился, словно весь негатив куда-то отодвинулся на время. Несильная, но настойчивая боль в груди поутихла, перестала отдаваться в плечо.

Свет автомобильных фар скользнул по окнам, и снова стало темно. Илья припарковал Мерседес на свое обычное место. Повернулся ключ в замке.

— Почему так долго?

— Так получилось, — проворчал Илья.

Он разделся, подошел к креслу, машинально почесал за ухом Маркиза, потом взял его на руки и осторожно опустил на пол. Кот недовольно муркнул и не спеша отправился прочь.

— Валера, я машину стукнул.

— Поздравляю. И об кого?

— Ни об кого. Меня подрезали. В кювет неудачно съехал.

— И сильно повредил?

— Нет, не очень. Баксов на триста.

— Протокол составляли?

— Нет.

— Тогда ремонт за твой счет, — постановил Валерий.

— Да и пожалуйста, — процедил Илья. — Пошли ужин готовить. Я пельменей купил. Жрать охота до смерти.

Валерий нехотя выбрался из кресла. Когда он появился на кухне, вернее в той части необъятного холла, которая была отведена под кухню, Илья уже суетился, кипятил воду в кастрюле, расставлял тарелки, резал хлеб. Валерий присел у стола и молча наблюдал за братом. Даже аппетитный запах, поплывший в кухню после того, как пельмени оказались в кипятке, не взбодрил его. Илья тоже молчал. Разложив пельмени по тарелкам, он сел напротив и принялся за еду. Оба сосредоточенно жевали, Илья — энергично, Валерий —

равнодушно.

— Слушай...

— Знаешь...

Они заговорили одновременно и тут же замолчали. Валерий взглянул на озабоченную физиономию брата и невесело усмехнулся:

— По-моему, нам обоим есть, что сказать.

В детстве они частенько угрюмо молчали, когда оба никак не могли решиться заговорить о чем-то. А потом по очереди делали свои неприятные сообщения: младший о единице за сочинение, а старший о том, что он идет в кино не с братом, а с девушкой.

— Ну, и кому первому колотиться?

— Давай ты, — серьезно сказал Илья.

— Мне Гарон сюда звонил.

— Ого, — присвистнул Илья. — Зачем?

— Честно говоря, я не понял. Вместо того, чтобы выяснить это, я ему нахамил, и не думаю, что это сильно упростит мое нынешнее положение...

— Молодец, — язвительно покачал головой Илья. — А еще меня выдержке учишь.

— Теперь ты колись.

Илья нахмурился, отвел взгляд.

— Не подрезали меня. Нарочно в кювет спихнули. Когда я Крымову из Пулково вез.

Валерий отодвинул тарелку. Аппетита и так особо не было, теперь он и вовсе улетучился.

— Как она, цела?

— Немного руку зашибла, вроде бы несильно.

— А ты?

— А мне что? Я за руль держался. Успокойся, все живы, машина на ходу. Чуть выправить, чуть подкрасить...

— Да к чертям собачьим машину... Кто это был?

Илья пожал плечами:

— Классика жанра. Здоровенный джипяра с тонированными стеклами и номером, заляпанным грязью. Одним словом, Голливуд.

— Хорош Голливуд, — вздохнул Валерий.

— Ты ешь и не переживай. Если бы не вмятины да царапины, не сказал бы я тебе ничего. Ты бы и не узнал.

— Ха, не узнал бы. За дурака держишь?.. Кто же это мог быть? Неужели Гарон?

— Да ну, оно ему надо? Таким-то идиотским способом... — лениво возразил Илья и снова принялся за ужин. — Отомстить мне он мог уже сто раз, скромнее и эффективнее. Думаю, это просто хулиганье какое-то было.

— Да, Илюха, неудачный сегодня день.

— Среда, что ты хочешь... — Илья с улыбкой пожал плечами.

Валерий тоже не смог удержаться от улыбки. Да, среда была с детства проклятьем для обоих братьев. Конечно, неприятности случались порой и во все остальные дни недели. Но в среду обязательно происходило что-нибудь неприятное, а иногда и трагическое. И ничего нельзя было поделаться с этим проклятьем. Что-нибудь в среду непременно случалось, хоть бы какой-нибудь пустячок: разбитые тарелки, вспышки ангины, двойки, некрасивые ссоры, поломки аппаратуры... Всякая ерунда. Или не ерунда, о которой Валерий не любил

вспоминать, будучи от природы человеком излишне впечатлительным. Когда среда становилась кошмаром, братья, как заклинанье повторяли смешную песенку какого-то неизвестного ВИА восьмидесятых. "Если чью-нибудь печаль унести не смогут вдаль воскресенье, понедельник, вторник и среда..."

— Обязательно в четверг будет счастлив человек... — проговорил Валерий.

— Да и пятница с субботой есть всегда... — закончил Илья без особого энтузиазма. — Валера, ты не волнуйся, я буду осторожен. И ешь, наконец! Надо мне очень упреки твоего врача выслушивать... Все мыслимые режимы нарушаешь.

* * *

Полина с утра не могла сосредоточиться. То и дело она, поднимая голову от стола, ловила на себе внимательный взгляд Вани Смирнова. Он ни разу не заговорил с ней после визита в "Ривьеру". Правда, ему и некогда было. На следующий день после "Ривьеры" Полина навестила второго из ненадежных партнеров — внешнеторговую фирму "Эдельвейс". Само собой, после детального разговора с руководством и выставлением взаимных претензий, Полина не удержалась от того, чтобы выяснить, а не оказал ли Иван и там "любезность" по дополнительному распространению "Толмача". Персонал "Эдельвейса" оказался не таким болтливым, да и незаконно установленных программ Полина не заметила.

Улучив момент, когда Кочкин отправился на перекур, а Лизочка упорхнула на сбор очередной порции свежих новостей, Ваня повернулся к Полине.

— Ну что, Полина, чем там, в "Ривьере" закончилось?

— Я снесла лишние программы. Оставила "Толмача" на компьютере менеджера по рекламе, того парня, который больше всего пользуется им. Взяла с директора слово, что на следующей неделе менеджер выдаст подробный отчет с перечислением всех отмеченных недостатков. Парень не очень хочет этим заниматься, но его директор совсем не желает судиться. Если же к следующей среде отчет "Ривьеры" ко мне не поступит, придется сдавать их Казьмину для скандала...

— Полина, а в "Эдельвейсе"?

— Хочешь знать, нашла ли я и там следы твоей благотворительности? Не нашла.

Ванька насупился:

— Да их там и нету...

— И нечего обижаться. Одного раза бывает вполне достаточно, чтобы навсегда потерять доверие.

— Значит, твое доверие я уже потерял?

— Пусть Рубин тебе доверяет. Я не обязана, Ванька.

Иван слегка смутился, покраснел и хотел что-то сказать, но в кабинете появился Кочкин, а следом за ним влетела Лиза, вся взбудораженная и сильно расстроенная.

— А вы знаете, — с порога воскликнула Лиза, — премии за сентябрь не будет!

— Почему? — огорчился Кочкин.

— Почему пока не знаю. Но не будет точно, — повторила Лиза. — Если хотите, спросите Казьмина... Ему как раз время забежать на огонек.

— И не вздумайте даже приставать к генеральному с ерундой. У Рубина спросим, — строго сказал Кочкин.

Казьмин не замедлил появиться. Он не пошел сразу к Рубину, а поздоровался и подсел к Полине.

— Как ваша рука? — озабоченно спросил он.

— Рука? — удивилась Полина.

— Ну да. Как вы себя чувствуете после происшествия в среду?

— Ах, вот вы о чем... Ничего страшного, все прошло.

— Слава Богу. Мне бы не хотелось, чтобы мои сотрудники получали травмы на работе.

Как прошла инспекция нерадивых бета-тестеров?

— Пока есть шанс не доводить дело до суда и при этом получить отдачу. Через неделю скажу точно.

— Хорошо, работайте. Держите меня в курсе.

Казьмин встал, взглянул на Кочкина и проговорил:

— Максим, зайди-ка к Рубину, есть разговор.

Кочкин с готовностью поднялся.

Рассевшись вокруг стола в аквариуме, Казьмин, Рубин и Кочкин начали очередное совещание.

— Это уже даже не привычка. Это традиция, — прокомментировала Лиза.

— Что "это"?

— Визиты Казьмина. Это уже напрягает, — Лиза тяжело вздохнула.

— Поменьше думай об этом, легче будет, — посоветовала Полина.

— Да, ты права. Но не всем удается не замечать Казьмина. Поражаюсь тебе. Наши женщины давно оставили надежду привлечь его внимание. А ты даже не улыбнешься ему, бедному... Пропал наш генеральный. Совсем пропал.

— Лизка, прекращай! — вдруг возмутился Иван.

— Кому Лизка, а кому Елизавета Михална! — зашипела Лиза.

— Ребята, перестаньте, — строго сказала Полина.

Шуточки Елизаветы ее не трогали, заступничество Ваньки тоже.

* * *

— ... Такова ситуация, ребята, — закончил Валерий и посмотрел на притихших коллег. — Мы вместе что только не пережили. Два раза начинали практически с нуля. Поэтому я не могу скрывать от вас наше положение... Возможно, начинать с нуля придется еще раз.

Кочкин задумчиво поглаживал подбородок, Рубин терзал свой "паркер", грозя отломить у него золоченую клипсу.

— Мда, неважные дела, — проговорил Кочкин.

— Если к концу октября "Гепард" не вернет кредит, то в скором времени фактически перестанет существовать, — отчеканил Валерий.

— Ну ладно, допустим, перекредитоваться в Канэкс-банке не вышло, — задумчиво начал Рубин. — Но в Питере еще полно банков.

— Несколько банков, из тех, кто оформляет кредиты достаточно оперативно, отказали ввиду неубедительности предложенного залога, — усмехнулся Валерий. — Ну а что, они правы. Недвижимости у нас на балансе нет, товарных запасов тоже. То, что еще можем предложить, их не интересует... Хуже всего, что мне даже время не выиграть. С одним траншем мы уже попали на санкции, если до срока все не вернем, они заберут залог.

— Да банки годами резину тянут... — пожал плечами Кочкин. — Что-то я не слышал о таких случаях, когда так прямо на следующий день пришли и все отобрали.

Друзья не были в курсе деталей его отношений с Гароном, и посвящать их Валерий не собирался.

— Можете мне поверить на слово, — твердо сказал он. — Эти ребята с арбитражем тянуть не будут. Мы можем лишиться практически всех доходов в считанные недели.

— Персонал уже в курсе, что не будет премии, — задумчиво проговорил Кочкин. — Но они еще не знают, почему... Грустно все это... Прознают — разбегутся. Жалко...

— Макс, не беги впереди паровоза! — строго сказал Рубин.

— Да какой уж тут паровоз, — скривился Кочкин. — Валера правильно сказал. Недвижимости у нас нет, товаров нет. Только мозги. Рубин, у нас с тобой отличные мозги. Только их никто в залог не возьмет... Жалко. Черт, как жалко-то...

— Максим, наплакаться успеем еще, подожди ныть, — Рубин раздраженно оборвал Кочкина и внимательно взглянул Валерию в глаза. — Ты ведь знаешь, Валера, у нас лучшие разработчики и программеры в городе. Но бесплатно они работать не будут. Не обязаны и не будут.

— Тимофей, ты меня хорошо слушал? Первое, что я сказал: возможно, придется еще раз начинать с нуля, — горько повторил Валерий.

— Это мы поняли, — протянул Кочкин. — И все, и не надо разжевывать. Давай лучше по существу. Что мы еще можем сделать? Сколько у нас времени осталось?

Валерий всегда с теплотой относился к своим коллегам. Но только немногих он мог назвать друзьями. Кочкин и Рубин были проверенными друзьями. Фраза "Сколько у нас времени?" только подтвердила это.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но обнадежить друзей Валерию было особо нечем:

— Найти деньги — вот единственный выход. Я сдаваться не собираюсь, сделаю все, что смогу. Но нет гарантии, что найдутся желающие оказать мне срочную финансовую помощь в таких значительных размерах.

Рубин и Кочкин переглянулись. Кочкин в раздражении махнул рукой, и Рубин решил говорить сам.

— Валера, а ты не думал продать "Толмача"?

Валерий с досадой замотал головой:

— Тим, ну что ты, право... Прога сырая еще. Да даже если выпустить ее на рынок прямо сейчас, мы еще долго не получим отдачи, если вообще не отпугнем потребителя...

Рубин напрягся:

— Валера, я не об этом говорю. Продать можно алгоритм-модели языков. Это купят быстро и дорого.

Предложение ошарашило Валерию.

— Ты что, Тим, с ума сошел? Два года труда просто взять и выбросить?

— Не выбросить. Продать, — с нажимом пояснил Рубин. — Я знаю несколько корпораций на западе, которые хоть завтра выложат твердую валюту за логический скелет нашего "Толмача". Да и здесь желающие найдутся.

Кочкин, нервно хрустя пальцами, все же встрял:

— Тим, ну как можно ему такое предлагать?! Ты ж ему предлагаешь душу вынуть и черт знает кому отдать...

— Не он один душу вложил, мы все вложили в "Толмача" и время, и силы... Но если ситуация безвыходная, чем-то надо жертвовать! — возразил Рубин. — Валерка, подумай об этом... А впрочем, ты здесь хозяин.

О том, что он тут хозяин, за последние дни ему не напомнил только ленивый.

Обсуждать продажу "Толмача" Валерий не собирался. Он встал, давая понять, что разговор окончен, посмотрел на друзей.

— Валера, — вздохнул Рубин. — В любом случае мы на твоей стороне.

— Я знаю, Тим. Еще поборемся. Спасибо, ребята.

Валерий вышел из аквариума, не прислушиваясь к тому, о чем сразу же заговорили между собой Рубин и Кочкин.

Он не привык уповать на везение. Кто знает, может быть поэтому ему и не везло. Валерий никогда не рассчитывал на удачное стечение обстоятельств. Обстоятельства приходилось преодолевать. Он не верил в талисманы, не загадывал... Сейчас, когда все плохо и неоткуда ждать помощи, на удачу рассчитывать еще более глупо, чем обычно.

Валерий остановился и молча смотрел на Полину. Она быстро стучала по клавишам, почти не глядя на клавиатуру. Четкий тонкий женский профиль. Маленькие руки так быстро летают над кнопками... Она не замечает, что он смотрит на нее? Или делает вид, что не замечает? Если делает вид, то у нее завидная, совсем не женская выдержка. А если не замечает, тогда... Тогда, Казьмин, перспективы твои плачевны.

Как жаль, что она появилась в его жизни только сейчас. Как жаль, что она его подчиненная. Жаль, что он не может просто так подойти, поговорить о том, о сем, выведать о том, что его волнует все это время... Он не может ничего, только издалека смотреть, задавать глупые ничего не значащие вопросы "по работе". Послушает Полина эти вопросы еще немного и будет уверена, что директор фирмы полный недоумок. Кажется, и так уже все вокруг думают, что он просто так ходит, суется со всякой ерундой, куда не просят, и от нечего делать устраивает переполох среди сотрудников.

Полина подняла голову и взглянула на Валерия.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Нет-нет. Все в порядке.

Убедившись, что вокруг нет никого, кто мог бы его услышать, Валерий решился, наконец, сделать то, что он собирался с того самого момента, когда увидел ее у барной стойки в кафе:

— Скажите, Полина, завтра утром вы очень заняты?

Она нахмурилась, словно вспоминая, что же у нее там запланировано на субботнее утро. Потом пожала плечами:

— Нет, не очень. Кажется, у меня нет особых планов. А что случилось? Надо выйти на работу?

— В Царскосельском парке уже кончилась золотая осень, но там все еще чудесно. И я приглашаю вас на прогулку. Один ваш отказ я переварил. Надеюсь, моя вторая попытка будет удачнее первой.

Она рассеянно моргнула, потом ответила:

— Почему бы и нет?

Валерий был почти уверен, что она и на этот раз как-нибудь ловко увернется от его предложения. Поэтому он даже не поверил сначала.

— Отлично! — он не смог сдержать радостной улыбки. — Машина будет подана в девять. Дунайский, двадцать четыре, я правильно помню?

— Абсолютно.

— Тогда договорились. До завтра!

Она кивнула и повернулась к своему монитору.

Валерий вышел в коридор.

Он уже давно не строил далеко идущих планов. Но все еще льстил себе надеждой, что может немного помечтать. Именно сейчас.

* * *

— Вот где-нибудь здесь мы остановимся, и дальше пойдем пешком... — Казьмин медленно вел машину по старым царскосельским улицам.

Когда вчера Казьмин сказал, что машина будет подана в девять, Полина почему-то была уверена, что за ней пришьют Власова. Однако Казьмин приехал сам, не на офисном черном мерсе, а за рулем двухместного вишневого малыша с забавными круглыми фарами. Одет Валерий Петрович был в самый раз для загородной прогулки: в джинсах, спортивной куртке, легких кроссовках. Но несмотря на неофициальную обстановку Казьмин был так же внимателен и безупречно галантен.

Субботним октябрьским утром на шоссе было не так много машин, и до Пушкина домчали очень быстро.

Казьмин водил совсем иначе, чем Власов. Поразить воображение Полины крутизной машины было практически невозможно. Магчасть не была ее сильным местом. Но имелась у Полины такая смешная привычка: наблюдать за тем, как мужчины держатся за рулем. Власов управлял автомобилем так же, как говорил: четко, выверено, лаконично и резко. Казьмин действовал неторопливо, немного даже лениво, плавно, степенно. Припарковавшись у тротуара, Казьмин вынул телефон.

— Илюша, будь другом, забери машину с Магазиной... Нет, все нормально. Я прогуляюсь...

Убирая телефон в карман, он весело улыбнулся Полине:

— Ну вот и порядок. Теперь пойдете.

Казьмин вылез из машины, обошел ее, открыл дверь, помог Полине выбраться. Чуть слышно пискнул центральный замок, и Казьмин, слегка придерживая Полину под руку, повел ее ко входу в парк.

— Мне больше нравится дикая часть парка, а вам?

— Не знаю, — Полина пожала плечами, — Если честно, я редко бываю здесь.

Правду сказать, Полина бывала в Пушкине считанные разы. Царскосельские красоты не то чтобы оставляли ее равнодушной... А впрочем, что уж тут — действительно, Полина совсем не горела желанием снова и снова лицезреть знаменитые пригородные достопримечательности. Ей вполне хватало рекламных снимков на календарях и открытках. Тем более, что на снимках все выглядело намного внушительнее, чем наяву.

— Ага... — задумчиво протянул Казьмин. — Тогда, раз вам все равно, я покажу вам места, которые люблю сам. Только предупреждаю на всякий случай: у меня не очень обычные пристрастия в этом парке. Я люблю руины.

— Что?

— Руины, — повторил Казьмин. — Развалины. Это может показаться странным, но ничего не поделаешь: восстановленные памятники привлекают меня значительно меньше. Как вы, не будете против, если я потаскаю вас по всяким историческим развалюхам?

— А почему бы и нет? — охотно согласилась Полина. Из поставленной Власовым задачи позволить Казьмину всё самой легкой частью было позволить ему таскать себя по руинам.

Они медленно шли по узкой извилистой аллее. Хотя эту тропу только с натяжкой можно было назвать аллеей. Давно запущенная, со свисающими прямо под ноги ветвями придорожных кустов, тропа вела к обшарпанному грязно-желтому фасаду когда-то, видимо, величественного строения...

— Многие сюда предпочитают не заглядывать, — говорил Казьмин, пока Полина рассеяно осматривала нескончаемую стену, вдоль которой они шли. — Людям кажется это неинтересным, неприглядным, отталкивающим. В чем-то они правы. Я тоже не поведу вас внутрь. Чего там только нет: проломы, прогнившие балки, мусор... Но достаточно просто пройти мимо, и уже можно понять, что эти стены многое слышали, видели, многое знают. И замазать все это свежей штукатуркой, заменить перекрытия и повесить замки на новые железные двери — это не меньшее варварство, чем то, что дворец довели до такого состояния. Реставрация, если она когда-нибудь грянет, будет самым настоящим насилием...

— Любопытно, — усмехнулась Полина.

— Да, разумеется... А вот скажите, Полина, вы были в Литве, в Тракае?

— Нет, не довелось. Но тракайский замок я представляю. Читала статью в журнале. С картинками, — усмехнулась Полина.

— Вот то-то и оно, что с картинками, — как-то очень невесело отозвался Казьмин. — Я был в Тракае три раза. Впервые это случилось в восьмидесятых. Тогда литовцы только мечтали о реставрации замка. Казармы гарнизона были наполовину разрушены, башенки на замковых стенах в руинах... Но какое же сильное впечатление все это производило! Машина времени — детская игрушка в сравнении с тем, что делали с человеком эти стены... Потом, лет через пять, я побывал в Тракае еще раз. Там заканчивали надстраивать башенки, а казармы были в строительных лесах. Вы не поверите, Полина, но такая мелочь может испортить настроение... Я долго бродил по мостам, галереям, по музейным залам, и мне казалось, что стены вопили: "Не трогайте нас! Мы еще столько можем вам рассказать!" Тогда я дал себе слово, что больше в Тракай не поеду...

— Но поехали?

— Да, так получилось. Компания, в которой я оказался, непременно хотела посмотреть замок. И я не устоял, — грустно покачал головой Казьмин. — Я, помню, чуть не плакал, когда увидел эти вылизанные, отстроенные заново стены, эту новую черепицу на скатах, деревянные детали, покрытые пинотексом... Я, конечно, понимаю, что лучшие кирпичные заводы Европы поставляли стройматериалы, что реставраторы перелопатили все архивы... Но знаете, Полина, это были почти мертвые стены, задохнувшиеся! Они молчали. Превратились в декорацию... Там теперь только костюмное кино снимать.

Казьмин замолчал, печально улыбаясь.

Запущенный дикий парк словно грустил вместе с ним. Многие деревья уже облетели, на кустах шиповника среди пожухлых листьев еще багровели не успевшие засохнуть ягоды. Неухоженные тропинки, протоптанные любителями одиноких прогулок сквозь редколесье, перетекали одна в другую, но "культурная" часть знаменитого парка по-прежнему оставалась где-то далеко. А здесь соседствовали умиротворенный покой и неожиданно острая печаль.

Несмотря на выглянувшее наконец солнце это было весьма холодное утро. Полина пожалела, что не надела свитер потеплее. Да и пальцы на ногах, чем дальше, тем больше подмерзали.

Казьмин, наконец, прервал затянувшееся молчание:

— А в Дрездене вы были?

— Была, давно уже, — кивнула Полина, невольно обрадовавшись, что о новом предмете разговора знает не понаслышке.

— Застали развалины в центре города?

— На десятиметровой высоте там в камнях росли березки, — улыбнулась Полина своим воспоминаниям. — И это в ста метрах от Сикстинской мадонны... Немцы говорили, что у них нет средств на восстановление.

— И хорошо, что не было, — кивнул Казьмин. — Я гулял по Дрездену в вечерних сумерках после грозы. Представьте себе: быстро бегут черные облака, в прогонах между ними — багрово-желтое закатное небо, и на этом фоне — прекрасный оперный театр, золотые статуи и... брошенные на произвол судьбы руины, пристанище местных демонов и хранилище нездешнего знания... Это было просто здорово. Говорят, теперь там многое восстановили. С тех пор я избегаю визитов в Дрезден, хотя друзья все время зовут... А в Вильянди? Полина, вы были в Вильянди?

— Я даже не знаю, где это, — призналась Полина, и ей почему-то стало стыдно.

Но Казьмин без малейшего раздражения пояснил:

— Вильянди — крошечный городишко в Эстонии, сущий медвежий угол. Когда-то там был древний замок. Он разрушен еще в незапамятные времена. Теперь это даже не развалины, просто груда камней, посыпанных песком. Туда привозят туристов, они минут десять слушают историю экскурсовода, лазают по камням и уезжают... А я ходил вокруг несколько часов, сидел на них, лежал. Даже разговаривал с ними. Мне после этого стало казаться, что я эстонский язык немного понимать стал. Камни научили. И что замечательно, вильяндийский замок уже никто не станет реставрировать. Те камни будут сочтаться тайнами времен...

— Если никто не купит эту землю под застройку, — брякнула Полина и невольно испугалась болезненной гримасы Казьмина.

— Если такое произойдет, я попытаюсь ее перекупить, — твердо заявил он. Потом покачал головой. — А вы просто источаете пессимизм, Полина.

— Это не пессимизм, Валерий Петрович, — вздохнула она. — Это прагматизм.

— Ох уж мне этот прагматизм, — сурово проворчал Казьмин. — Женский прагматизм — это страшная сила. Разрушительная...

— Похоже, женский прагматизм некогда здорово вам насолил.

— Вы попали в точку, — согласился Казьмин. — Много лет назад я развелся, не выдержав натиска женской практичности.

— Печально слышать. И что же было причиной?

— Знаете, Полина, мне даже стыдно об этом рассказывать. Таким нелепым это кажется теперь.

— Так и не рассказывайте, — легко согласилась Полина.

— Боже мой, Полина, вы совсем замерзли! — вдруг воскликнул Казьмин, словно совершенно забыл о предыдущей щекотливой теме.

— Ну что вы, вовсе нет! — запротестовала она.

— Да вы продрогли! Сегодня уже по-настоящему холодно. Давайте, что ли, шагу прибавим... А я-то оседлал любимого конька и не замечаю, что вы мерзнете!

Казьмин взял Полину за руку и повел сквозь невысокий кустарник к широкой аллее. Его ладонь была теплой и сильной.

Они пошли побыстрее. Казьмин не выпускал руку Полины, время от времени легко

пожимал ее пальцы и то и дело заботливо поглядывал на нее.

— Да что вы так волнуетесь? Я уже согрелась!

— Слава Богу! А то хорош бы я был! Если вы не против, я вам еще Шапель покажу. Занятное строение, а если наверх подняться, очень красивый вид...

Они подошли к обшарпанной башне, лет сто назад выкрашенной в морковный цвет. Поперек почти обвалившейся арки была натянута рваная металлическая сетка, на которой еле держалась ржавая табличка "Проход закрыт. Опасная зона". Казьмин, нимало не смущаясь, подошел к сетке, что-то подергал и отогнул.

— Прошу вас! Я пойду вперед, а вы за мной.

Полина вслед за Казьминым пролезла сквозь образовавшуюся дыру в сетке.

Наверх вели страшного вида крутые деревянные ступени, местами проломленные и разбитые чуть ли не в щепки.

— Ну что, полезем? — голос отозвался эхом.

— Я что-то не уверена, что это так просто. Тут все на честном слове.

— Я помогу. Я сотню раз это проделывал.

— А может быть не стоит? — несмело возразила Полина.

— Отчего же?

— Я слышала...

— Что вы слышали? — подозрительно уточнил Казьмин.

Полина вздохнула:

— Что физические нагрузки вам не на пользу.

Казьмин негромко рассмеялся:

— А-а, вот вы о чем! Благодарю за заботу. В моем кардиостимуляторе недавно заменили батарейку, и уж что-что, а взобраться на Шапель я еще смогу... Итак, я вперед, а вы следом за мной. Будьте осторожны.

Он принялся карабкаться по крутой лестнице. Полине ничего не оставалось, как лезть за своим неутомонным экскурсоводом.

Выбравшись на верхнюю площадку, Казьмин подал Полине руку и почти втащил ее к себе.

— Ну вот, и славно. Немного запылились, только и всего, — Казьмин часто дышал, но выглядел довольным. — Ну а теперь посмотрите вокруг.

Полина огляделась. В разрушенных оконных проемах действительно открывались шикарные виды на Екатерининский дворец, на Китайскую деревню и Большой каприз.

— Вы правы, это замечательно, — согласилась Полина.

Казьмин не ответил. Помолчав немного, он вдруг серьезно спросил:

— Откуда вы узнали о моей болезни?

— Илья рассказал.

— В самом деле? — удивился Казьмин. — Когда он только успел? Обычно он не раскрывает наши маленькие семейные тайны так легко.

— У вас очень заботливый брат.

— Да, — подтвердил Казьмин. — Мне с ним повезло куда больше, чем ему со мной.

После паузы он добавил с усмешкой:

— Ну, что ж, значит, вы особенно не удивлены моими давешними рассказами. Вы представляете, с кем имеете дело. С живой развалиной, которая испытывает странную привязанность к развалинам каменным...

— Да бросьте вы, — бодро сказала Полина. — Любовь к древним руинам — это, возможно, самая безобидная страсть на свете...

— Если бы, Полина, если бы... — Казьмин покачал головой. — Я все-таки расскажу вам... Дело это давнее. Мы были молоды, бедны и не очень счастливы. Жена сидела дома с ребенком, я заканчивал институт и пытался прокормить семью. Я наделал тогда много ошибок, но потом мне удалось сделать правильный профессиональный выбор. И наконец, однажды после года каторжного труда я получил первые "большие деньги" и взял отпуск. Мне ужасно хотелось отдохнуть по полной, дать себе расслабиться, да и просто отпраздновать удачный перелом в своей жизни. И на что я потратил деньги, как вы полагаете?

— Рискну предположить, что на руины.

— Ну, почти, — вздохнул Казьмин. — Я купил две путевки в Карпаты, для себя и жены. В программу входило посещение древних монастырей, замков и всяких исторических мест. У меня просто слюнки текли в предвкушении волшебного отдыха. Я даже предположить не мог, что жена... Короче говоря, мне было заявлено, что шататься по всяким древним дырам недосуг, потому что — а дело было в июне — нужно посадить на тещиной даче три теплицы огурцов. Я пытался объяснить жене, что себя нужно иногда баловать, что осенью, если ей и теще приспичит, я куплю им самосвал огурцов, и пусть развлекаются...

— Вы не могли перенести отпуск?

— Не мог, — грустно кивнул Казьмин. — Тогда я не был директором собственной компании. Мне было всего двадцать четыре, я работал на людей, затеявших перспективный серьезный бизнес, и поблажек там никому не давали.

— Жена не поняла этого?

— Не поняла. Путевки пришлось сдать. Мы пережили несколько невыносимых сцен, после которых она с сыном провела остаток лета у своих родителей и ко мне больше не вернулась. Через год мы развелись. Из-за огурцов. Или из-за руин. В общем, из-за нежелания уступить. А вы говорите — безобидная страсть...

Полина почувствовала, что сейчас расплечется. Без всякой причины. Чтобы Казьмин не заметил ее пляшущих губ, она подошла к самому оконному проему и отвернулась, делая вид, что разглядывает Китайскую деревню.

— Что с вами? — обеспокоено спросил Казьмин. Его руки осторожно легли на плечи Полины.

— Знаете, Валерий Петрович, а ведь ваша жена всего лишь боялась поверить в то, что те первые "большие деньги" — не последние. Огурцы были... всего лишь дополнительной гарантией благополучия.

— Да, Полина, теперь я это знаю. На самом деле это так просто. Это всегда просто. Но это невозможно понять, если люди слишком молоды и безжалостны друг к другу. Я все понял, когда ничего уже было не склеить, — с болью в голосе проговорил Казьмин. Потом добавил в отчаянии: — Только не плачьте! Я умоляю вас!

Полина запрокинула голову, пытаясь помешать неожиданным слезам.

Казьмин развернул Полину, стиснул ее плечи, тревожно взгляделся.

— Не плачьте, пожалуйста, — едва слышно сказал он.

Его пальцы медленно, едва касаясь, погладили ее волосы. Потом Казьмин тыльной стороной теплой ладони нежно провел от ее виска до подбородка и, наклонившись, поцеловал в щеку, по которой стекала слеза.

— Не плачьте...

Его губы мягко коснулись губ Полины, она вздрогнула, но Казьмин сразу отстранился:

— Боже мой, ну что я должен сделать, чтобы вы не плакали?

— Извините... Извините меня... — пробормотала она. — Это так глупо...

Полина поспешно принялась вытирать глаза. Казьмин перехватил ее руку, еще раз осторожно коснулся ее влажной щеки, а потом неожиданно порывисто обнял Полину и привлек к себе.

— Видимо, я растерял весь былой опыт общения с девушками, если довожу свою даму до слез на первом же свидании, — тоскливо проговорил он. — Нет, в самом деле, хорош ухажер... Вместо того, чтобы пригласить в ресторан, в ночной клуб или, на худой конец, в театр...

— Или — совсем уж на худой конец — в библиотеку, — буркнула Полина. Вообще-то ей было настолько скверно, что хотелось взвыть. Но она не могла не оценить попытки Казьмина обратить неловкую сцену в шутку.

— Да-да, или в библиотеку, — с готовностью подхватил Казьмин. — Так вот вместо всего этого я веду вас через канавы, наполненные гниющими опавшими листьями, болтаю битый час о таинственном притяжении старых камней, затаскиваю в рассыпающуюся башню и жалуясь на жизнь... Дурак я, дураком и помру...

Полина, чьи слезы уже впитались в куртку Казьмина, отстранилась и тяжело вздохнула:

— Да уж.

— Надеюсь, с вами все в порядке?

— Да, Валерий Петрович, все в порядке. Извините меня.

— Ну что ж, давайте спускаться. Я снова пойду первым...

Спускаться было еще сложнее. Полина старалась в точности повторять маршрут Казьмина, и все же пару раз ее нога едва не соскользнула с шаткой ступени.

— Вы живы? Ну и хорошо, — Казьмин поймал Полину внизу и с осторожностью вывел наружу. Напоследок он не забыл прикрутить обратно защитную сетку.

Они снова взялись за руки. Казьмин повел Полину к Большому Капризу. Кокетливый грот-беседка причудливым мостиком навис над асфальтированной дорогой, ведущей сквозь северную часть дикого парка напрямик к воротам Екатерининского дворца.

Они шли молча, и Казьмин снова то и дело стискивал ладонь Полины и бросал на нее встревоженные взгляды.

Они прошли под Большим Капризом. По правую руку за оградой начинался Екатерининский дворцовый парк, а по левую — Китайская деревня.

В последний раз, когда Полина бывала здесь, то есть лет десять назад, Китайская деревня была просто группой запущенных, пришедших в негодность строений неопределенного цвета. Конечно, можно было угадать по отдельным деталям, чем были когда-то заброшенные здания, но все равно, это было странное, плачевное зрелище.

Теперь же Китайская деревня не только преобразилась, но и ожила. Дома были восстановлены и стилизованы под китайские пагоды, на крышах и у водосточных желобов поселились драконы. Комплекс зданий обнесли низкой изгородью, разбили газоны, цветочные клумбы, горки и сады камней. Но это было еще не все. Теперь здесь жили люди. В пяти сотнях метров от загородной резиденции русских царей раскинулся оазис красивой жизни. Каждое из зданий Китайской деревни было превращено в жилой многоквартирный таун-хауз. У каждой квартиры — дверь прямо на улицу. У каждой двери или припаркована

дорогая машина, или разбросаны детские игрушки, или стоит мангал и шезлонги, или и то, и другое и третье вместе. По дороге с утра до вечера снуют туда-сюда отдыхающие, но детишки обитателей Китайской деревни тут же спокойно катаются верхом на живых пони. Конюшня расположена на территории комплекса, рядом с теннисным кортом... Охранники прилежно несут свою вахту и поднимают шлагбаумы перед автомобилями. Словом деревенская жизнь с ее каждодневными заботами теперь шумит вовсю в некогда вымерших развалинах...

Полина поймала себя на мысли, что теории Казьмина, возможно, во многом справедливы. В самом деле, стоило ли менять судьбу Китайской деревни? Конечно, брошенные развалюхи в непосредственной близости от Екатерининского дворца — это безобразие. Но то, что сделано...

— Как же эти люди здесь живут? — проговорила Полина, глядя на женщину, которая показалась на пороге одной из квартир, в тренировочном костюме и домашних шлепанцах. Не обращая никакого внимания на людей, глазеющих на нее с дороги, она тряхнула пару раз квадратный коврик и снова скрылась в квартире. — Это же не жизнь...

— А что вас смущает?

— Здесь целый день мимо ходят толпы чужих людей и заглядывают в окна, кто с любопытством, кто с завистью. А жильцы вынуждены выбивать перед ними половики. Прямо зоопарк какой-то.

— Ну все не так страшно на самом деле, — возразил Казьмин. — Стекла в домах тонированы, поэтому частная жизнь за этими стенами в полной неприкосновенности. А выбивают половики на крыльце те, кто не доверяет пылесосам. Еще встречаются такие индивиды. Кстати, я просто обязан, наконец, вас отогреть. Поэтому приглашаю на чашку чая, и не вздумайте отказываться.

Подхватив Полину под руку, Казьмин резко свернул к калитке.

Они вошли на территорию Китайской деревни и завернули за угол крайнего дома. Во внутреннем дворике около одной из квартир стояли бок о бок офисный Мерседес, на котором ездил Власов, и вишневый глазастый автомобильчик Казьмина.

— Вы здесь живете? — поразила Полина. — В этих мертвых, убитых реставрацией камнях?

— Вам говорили, что вы язва? — рассмеялся Казьмин, доставая из кармана ключи.

— А все-таки?

— Да, живу в мертвых камнях. Считайте меня мазохистом, — фыркнул он, открывая дверь. — Прошу вас.

Полина шагнула в прихожую. Впрочем, прихожей как таковой не было. Объем огромного помещения был поделен на функциональные части. Сначала прихожая и коридор с лестницей на второй этаж, дальше в глубине гостиная, плавно переходящая в кухню и отделенная от нее лишь широкой аркой.

Сверху послышались шаги. По лестнице поспешно спустился Власов, в застиранных джинсах, грубом свитере и домашних тапочках.

— Добрый день... — с легким удивлением протянул он.

— Здравствуйте, Илья, — ответила Полина, которой Казьмин как раз в этот момент помогал снять куртку.

— Илюша, мы продрогли, как цуцыки, — радостно сообщил Казьмин.

— И поделом, — буркнул Власов. — Нечего по оврагам ползать с утра пораньше.

— О! — Казьмин поднял вверх палец. — Полина, слышите эти золотые слова моего благоразумного брата? Я же вам и сам говорил: надо было в библиотеку... Илья, покажи Полине ванную. А я поднимусь к себе на пять минут, и будем чай пить.

Казьмин пошагал вверх по лестнице.

— Идите сюда, — угрюмо буркнул и Власов пошел вперед. — Вот, пожалуйста.

Он щелкнул выключателем около одной из дверей, а сам, не говоря больше ни слова, направился в тот конец холла, который был здесь кухней.

Пока Полина приводила себя в порядок в просторной, но скромно отделанной ванной комнате, в холле послышался свист закипевшего чайника.

Когда Полина вышла, Казьмин спускался с лестницы. Он казался несколько побледневшим, но все же умиротворенно улыбался.

— Проходите сюда, садитесь, — Казьмин отодвинул один из стульев, стоящих вокруг стола со стеклянной столешницей, подождал Полину, подвинул под ней стул.

Полина неожиданно осознала, что пользоваться неисчерпаемой и такой естественной галантностью Казьмина уже начинает входить у нее в привычку.

— Вы какой чай пьете? — поинтересовался Казьмин.

— Любой, — пожала плечами Полина.

— Так уж и любой? — удивился тот. — Вы вообще-то в курсе, что классификация чая значительно обширней, чем зеленый и черный, или чем листовой и гранулированный?

— Да, конечно, я в курсе. Есть еще в пакетиках.

Казьмин расхохотался.

— Очаровательно. Я оценил... — кивнул он. — А вообще-то я не очень понимаю людей, которым все равно, что пить и есть.

— Не то чтобы мне было все равно, но я не очень об этом задумываюсь. Сама я терпеть не могу готовить, и от других этого не требую. И было бы прекрасно, если бы и от меня никто не требовал разносолов.

Казьмин, расставляя на столе странные кривобокие глиняные чашки с иероглифами, весело посмотрел на Полину:

— А как же путь к сердцу мужчины?

— Постараюсь найти мужчину, к сердцу которого лежит нестандартный маршрут.

— Хм, я полагаю, на свете еще осталась пара-тройка таких мутантов, — рассмеялся Казьмин и поставил на стол плетеное блюдо со всякой затейливой выпечкой. — Хотя, вы не совсем правы: если человека вынудят обстоятельства, он может стать если не кулинаром, то хорошим поваром наверняка. Я вот тоже не пылаю любовью к кастрюлям, но уже тридцать лет готовлю, и ничего, никто не жалуется. Илья, ты ведь не жалуешься?

— На что? — рассеянно уточнил подошедший к столу Власов.

— На моюстряпню.

— Не жалуюсь, — подтвердил тот, взял из плетеного блюда самую большую булочку и с аппетитом откусил. — Грех жаловаться.

— Вы что, сами это пекли? — изумилась Полина.

— Ага, — кивнул Казьмин. — У меня по выходным иногда бывает с утра небольшая разминка. Надо же хоть изредка баловать братишку. Кстати, братишка, хватит жевать. Чаю налей.

Власов разлил по чашкам серо-бурую жидкость. В чашку Полины попали две коротких черных палочки. Она машинально помешала жидкость ложкой. Палочки не растворились.

— Это чай матэ, — предупредил Казьмин. — Вы ведь сказали, что пьете любой...

— О, не стоит беспокоиться, — Полина погоняла по поверхности стебли неведомого растения и добавила. — После сегодняшних приключений матэ — детская забава...

— Что за приключения? — буркнул Власов.

— Восхождение на Шапель.

Илья замер с открытым ртом, бросил на стол чайную ложечку, поспешно проглотил то, что жевал, и повернулся к Казьмину:

— Ты что, совсем с ума сошел?

— Не преувеличивай, — тихо произнес Казьмин. — И не устраивай сцен.

— Я не устраиваю, — пожал плечами Власов. — Полина, у меня к вам есть одна просьба...

При слове "просьба" Полина вздрогнула.

— Если Валерию Петровичу еще раз попадет вожжа под хвост, и он затеет акробатические этюды типа восхождения на Шапель, будьте добры, Полина, немедленно позвоните мне, — с плохо скрываемым раздражением сказал Власов. — Мой номер у вас должен быть.

— Илья, прекрати истерику! — повысил голос Казьмин.

Худое нервное лицо Власова перекосила болезненная гримаса, он цапнул из плетеного блюда еще какой-то пирожок, прихватил чашку и демонстративно ушел. По лестнице простучали его шаги.

— Не обращайтесь на него внимания, — тихо сказал Казьмин. — Он у меня юноша с характером.

— Он волнуется за вас.

— Я знаю. Я доставляю ему много хлопот... А что же вы чай не пьете?

— Да я уже все выпила, — усмехнулась Полина. Она и сама не заметила, как таинственная жидкость постепенно переключалась в ее желудок. Ее окутало тепло и покой, обветрившиеся на улице щеки пылали. — Спасибо, все здорово.

Казьмин довольно кивнул в ответ и молча приложил руку к груди. Дескать, к вашим услугам.

— Знаете, Валерий Петрович, я не думала, что у больших бизнесменов бывает свободное время.

— Во-первых, Полина, я не такой уж большой бизнесмен. А во-вторых, все зависит от выбора системы координат. Если дело ради денег, это одна система. Если дело ради дела — уже другая. Меня не устраивает, чтобы дело поглощало меня целиком. Я не хочу, чтобы что-то одно владело мной безраздельно. У меня должно быть хоть немного времени на все, что меня интересует. Иначе бессмысленно гробить себя. Я не белка, я не хочу закончить свою жизнь в колесе... Если вы, Полина, согласитесь потратить на меня еще один выходной, ни слова не будет сказано о развалинах. Я познакомлю вас еще с одной моей страстью.

— Да вы маньяк, Валерий Петрович.

— А то! Моя жизнь весьма разнообразна, — усмехнулся Казьмин.

Он замолчал, допил свой чай, отставил чашку, оперся локтями о столешницу, подпер подбородок. Его взгляд рассеянно поплыл.

Сейчас он выглядел много старше, чем за столиком кафе. На его виске около уголка глаза судорожно билась жилка. Бледные сухие губы совсем потеряли цвет.

— Валерий Петрович, вам нехорошо?

— Не хуже, чем обычно... Не берите в голову, — уверенно отозвался Казьмин, но через несколько секунд беспомощно прикрыл глаза и побледнел еще сильнее.

Полина испугалась. Ей показалось, что Казьмин вот-вот потеряет сознание. Она вскочила и бросилась к лестнице.

— Илья!

Звать дважды не пришлось. Власов вихрем слетел в холл и бросился к столу.

— Валера! Валера, посмотри на меня... — Илья взял брата за плечи, пару секунд вглядывался в его лицо, ожидая реакции. Казьмин открыл глаза, но ничего не сказал, только слабо шевельнул губами.

Илья рванулся к холодильнику, вынул небольшой контейнер. В нем оказались ампулы. Из какого-то ящика Власов извлек медицинский жгут и обойму одноразовых шприцев.

— Илья, вам помочь? — несмело вставила Полина.

— Вы не умеете, — отрезал Власов.

Илья быстро закатал Казьмину рукав тонкого мягкого свитера, расстегнул манжет рубашки, обнажил предплечье, ловко затянул жгут.

— Сейчас, Валера, сейчас все будет хорошо... — Илья достал шприц и вскрыл ампулу.

Видимо, то, что Власов делал сейчас, ему приходилось делать не впервые. Умело и уверенно он сделал внутривенную инъекцию. Потом осторожно ослабил жгут.

Казьмин пошевелился, тяжело прерывисто вздохнул.

— Потерпи, сейчас пройдет, — тихо проговорил Илья, продолжая внимательно наблюдать за братом и держать пальцы на его запястье.

Наконец, Казьмин открыл глаза. Посмотрел на Илью, раздраженно выдернул руку, перевел взгляд на Полину и грустно улыбнулся ей:

— Я не рассчитывал вас напугать...

— Однако у тебя получилось, — пробурчал Власов.

Казьмин принялся поправлять одежду:

— Вы только не подумайте, Полина, что все до такой степени плохо... Это всего лишь часть моего нынешнего бытия, ничего экстраординарного...

— Валерий Павлович, вам отдохнуть надо, — Полина смущенно пожала плечами. — А мне пора.

— Я понимаю, — кивнул Казьмин. — Вы расстроились из-за такого пустяка... Ну что ж, — он поднялся на ноги. — Я вас провожу...

— Ну что вы?! Зачем? Что я, дороги не найду?

— Я вас привез сюда, я и отвезу обратно, — твердо заявил Казьмин.

— Да уймешься ты, наконец? — возмутился Илья. — Если ты сейчас же не ляжешь, клянусь, я вызову неотложку, и пусть с тобой в больнице нянчатся!

Казьмин взглянул на брата с печальной укоризной.

— И не смотри на меня, — отрезал Власов. — Не разжалобишь. Ступай к себе. Гостью твою я сам отвезу.

Казьмин шагнул к Полине и взял ее за руки. Его холодные пальцы сомкнулись на ее запястьях.

— Спасибо вам за компанию, — он посмотрел Полине в глаза и тепло улыбнулся. — У меня давно, очень давно не было такой прекрасной субботы.

— Если честно, у меня тоже.

Склонившись, Казьмин прикоснулся губами к рукам Полины.

— Тогда до свидания, — просто подытожил он.

— До свидания, Валерий Петрович.

Махнув рукой, Казьмин медленно побрел на второй этаж.

— Я прослежу, чтобы он лег. Подождите меня здесь, — распорядился Власов и проследовал за братом.

Полина подошла к столу.

Эти смешные кривые чашки с иероглифами... Чайник с остывшим матэ. Маленькие сдобные булочки, свежие и удивительно вкусные, которых оставили черстветь, забыв в суматохе прикрыть салфеткой... Незакрытый и неубранный контейнер с ампулами, резиновый жгут... Использованный шприц.

Полина набросила на блюдо с выпечкой холщевую вышитую салфетку. Ну уж хоть вышивал-то не Казьмин?! А то с него станется. Полина бережно подоткнула салфетку. Контейнер с ампулами закрылся легко, и Полина, открыв огромный холодильник, поставила контейнер примерно в то место, откуда Власов его выхватил. Ну ничего, найдет, когда понадобится... Боже мой, а ведь понадобится. Только будет ли в ту минуту Илья рядом? Будет ли кому властно и четко выполнить все необходимые процедуры, чтобы отодвинуть беду?.. Полина взяла жгут и обойму со шприцами, повертела в руках. Она не могла вспомнить, из какого ящика Илья их брал. Лучше просто оставить на видном месте, Власов сам уберет... Отыскав в недрах кухонных тумб ведро для мусора, Полина выбросила шприц, ампулу и обрывки упаковки. Составила в мойку чашки, потом, подумав немного, принялась их мыть.

Слезы подступали к глазам.

Вежливый и одновременно нахальный тип из кафе. Строгий, корректный и требовательный бизнесмен. Безупречный кавалер, последний романтик... Сколько еще у вас масок, господин Казьмин?

Как ей теперь быть?! Как поступить, когда становишься свидетелем чужой неотвратимой беды?

— Вы что делаете? Зачем? — раздался голос Власова.

Он стоял уже в своих неизменных джинсах, бежевом свитере и черной кожаной куртке, с удивлением оглядывал прибранную кухню.

— Не стоило. Я бы все сделал позже... Пойдемте, я готов.

— Как он?

Илья пожал плечами:

— Вроде полегче.

— Может, останетесь с ним? Я доберусь сама.

— Нет, я ему обещал.

Полина отправилась одеваться. Власов опередил ее, снял куртку с вешалки и помог надеть.

Открыв перед Полиной дверь черного Мерседеса, Илья бросил тревожный взгляд на окно второго этажа, потом решительно сел в машину.

Они выехали с территории Китайской деревни.

Минут пять, пока объезжали кругом территорию парка, ехали молча. Оказавшись на Магазейной, Власов притормозил.

— Вы торопитесь?

— Что? — не поняла Полина.

— Вы сейчас куда-нибудь торопитесь?

— Нет.

— Тогда постоим немного, если не возражаете.

Он остановился в стороне от жилых домов, у края широкого газона прямо под голыми ветвями корявого векового дуба.

— Посидите пять минут, — бросил Власов и вышел из машины.

Полина осталась одна. Она сначала подумала, что Власову нужно куда-нибудь зайти, но он остановился около дерева, достал из кармана сигареты и зажигалку, жадно прикурил. Заметив, что Полина наблюдает за ним, нервно сощурился, отвернулся и привалился плечом к стволу.

Полина выбралась из автомобиля и подошла к Власову.

— Ну что вам? — раздраженно бросил тот.

— Зачем вы мерзнете? Курите в машине.

— Дымом вас травить? — усмехнулся Власов. — Не приучен.

Он отвернулся и выпустил дым в сторону.

— Илья...

— Да?

— Что мне делать?

— Не знаю! — отрезал он. — Это не мне решать, а вам.

Сигарета в его тонких длинных пальцах чуть заметно заплесала.

— У вас руки дрожат...

— Да что вы говорите? — рявкнул Власов. — Послушайте, неужели так трудно посидеть в машине? Я попросил у вас пять минут! Это что, так много?

Полина вернулась в теплый салон Мерседеса. Власов все так же стоял, ссутулившись, торопливо докуривал. Наконец, он выбросил окурочек и тоже вернулся в машину.

— Я нагрубил вам. Извините, — проговорил он, садясь.

— Ну что вы, Илья. Я сама нарвалась. А вот это постоянное "простите", "извините", "пожалуйста", "будьте любезны"... Это у вас семейное?

— Ну, в общем да, — усмехнулся Власов. — Хотя мне до Валерки далеко. Он бы не бросил окурочек на газон, отправился бы урну искать.

— Да, Валерий Петрович... не очень обычный человек.

Власов тяжело вздохнул:

— Я и не сомневался, что вы это поймете.

Автомобиль тронулся с места.

Полина приготовилась к угрюмому взаимному молчанию. Однако, Власова почему-то потянуло вдруг на разговор.

— В возрасте, когда мальчишки пускаются во все тяжкие, Валерке просто было не до этого, — продолжил он. — В тринадцать, вместо того, чтобы покуривать помаленьку и забористо материться, он водил меня в садик, забирал оттуда, кормил, стирал мне одежду, давал тумака за разные проделки. В шестнадцать, когда все нормальные парни уже стильно сморкаются пальцем и пускают портвешок по кругу, он все еще был занят. Проверял мои каракули, ходил на родительские собрания, извинялся за стекла, которые я разбивал, водил меня в спортивную секцию. И при этом еще умудрился блестяще закончить школу и поступить в институт...

— Подождите, Илья, а ваши родители?...

— Валера не рассказывал? — уточнил Илья. — Его отец умер очень молодым. Большое

сердце. Та же самая болезнь, которая теперь мучает Валерку. Его мама вышла замуж второй раз за моего отца. Она умерла, когда меня рожала. Точнее, ее убил пьяный дежурный по отделению. Вколол чуть ли не тройную дозу стимулятора. Говорят, меня тоже едва откачали. Мы жили втроем, с моим отцом. Он очень любил нас обоих, но дома бывал мало, на жизнь зарабатывал. Валера был мне вместо матери, все время со мной возился. Поэтому он у нас такой хороший. А когда мне стукнуло двенадцать, и я стал сам примериваться к портвешку, Валера женился, занялся семьей и ослабил свою воспитательную хватку. Некому стало меня пасти. И теперь я, увы, далек от совершенства.

— Досталось вам.

— Ему больше. И, как ни крути, из-за меня.

— Ну вы же не виноваты в том, что родились, — осторожно высказалась Полина.

— В этом не виноват. Во многом остальном — да. Поэтому я за Валерку горло перегрызу любому... — угрюмо подытожил Илья и с досадой покачал головой. — Черт, как же курить хочется...

— Бросить не пробовали?

— Да где тут... — раздраженно проворчал Власов. — Либо головой об стенку, либо сигарету в зубы. Об стенку я еще успею. Остается сигарета.

— Давно курить начали?

— А вы что, нарколог? — зло бросил Илья.

Полина промолчала.

— Нет, не очень давно, — неожиданно ответил Власов несколько секунд спустя. — В следственном изоляторе начал. Три года назад...

"... Этот уголовник меня с ума сведет..." — вспомнились Полине слова разъяренной секретарши.

— ... А там я как-то не думал, насколько трудно будет избавиться от этого, — добавил Илья.

Полина ничего не ответила.

— Вы и о моей судимости ничего не знали?

— Нет.

— О чем же тогда Валерка вам все утро рассказывал? — усмехнулся Власов. — О древних замках своих драгоценных?

— Не только. Еще о жене рассказал, о том, почему они расстались.

— Расстались они, и слава Богу. Эта мерзавка чуть в гроб Валеру не вогнала, — с неприкрытой ненавистью отозвался Илья. — Эта девица в общем-то верно рассчитала, что Валерка далеко пойдет. Но у нее не хватило терпения дожидаться. Все и сразу хотелось. Помотала она ему нервы. Пока они разводились, пока она сына отсуживала, Валерка держался, а после сразу свалился. Первая клиническая смерть в двадцать четыре года... Валера святой человек, а я нет. Я ее не простил, и никогда не прощу.

— А что сын? Валерий Петрович общается с ним?

— Они никогда больше не виделись. После развода жена уехала к родителям и увезла сына. Когда Валера немного подлечился и стал их разыскивать, она уже вышла замуж и уехала в неизвестном направлении. Валера долго искал их, но следы потерялись. Видимо, она предприняла усилия, чтобы мы их не нашли.

Илья примолк на полуслове. Полина смотрела за окно, боясь даже глянуть в его сторону. От Власова исходили почти физически ощутимые волны острой тревоги, неумолимого горя и

совсем неглубоко запрятанной злобы.

Когда Мерседес уже сворачивал в Полинин двор, заиграл телефон Власова.

— Да? Ну как ты?.. Уже возвращаюсь... Довез... Нет, Валерка, в чистом поле я ее высадил! — Илья убрал телефон и усмехнулся. — Волнуется, до самого ли дома я вас доvez. Чудак...

— Спасибо, Илья. Вы, считайте, весь выходной на меня угробили.

— Да я уже давно не считаю все свои угробленные выходные, — отмахнулся он. — Это еще не худший, поверьте.

Они замолчали.

Полина смотрела на его крупные, но красивые руки, расслабленно брошенные на руль. Взглянуть Власову в лицо было отчего-то неловко.

— Илья, так что же мне делать?

— Я не знаю, — повторил он, но уже мягко.

Он повернулся к ней. Внимательные и печальные серые глаза, словно прося о помощи, взглянули на Полину.

— Я правда не знаю, — тихо сказал он. — Но мне кажется, вы сделаете все правильно.

[Купить полную версию книги](#)